

Александр Кваченюк-Борецкий

*Любовь
нельзя убить*

роман

Александр Кваченюк-Борецкий
Любовь нельзя убить. роман

«Издательские решения»

Кваченюк-Борецкий А.

Любовь нельзя убить. роман / А. Кваченюк-Борецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745983-3

Во время утренней пробежки в лесу, минуя просеку, Фрол Устюжанин, молодой врач, неожиданно натывается на свежий холмик из земли, слегка присыпанный снегом. Что это может быть? Чужая неладное, он разгребает руками землю и под ней вместе с трупом молодого мужчины обнаруживает тело... Тело молодой женщины. Приглядевшись повнимательней, он узнает в ней...

ISBN 978-5-44-745983-3

© Кваченюк-Борецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Как все начиналось	6
1	6
2	9
3	13
Часть первая	16
1	16
2	18
3	20
4	23
5	25
6	27
7	28
8	30
9	37
10	40
11	42
12	44
13	47
14	49
15	52
16	56
17	59
18	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Любовь нельзя убить
роман
Александр Кваченюк-Борецкий

© Александр Кваченюк-Борецкий, 2016

ISBN 978-5-4474-5983-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как все начиналось

1

Отец у Клима был лесником. И, конечно же, это не приносило ему желаемого дохода. Поэтому жили Устюжанины довольно бедно, как и большинство селян в Егорьевке. Степан Иванович, как ни старался, не мог, как следует, обеспечивать семью. Из-за этого чаще, чем нужно в рюмку заглядывал и ссорился с женой Лукерьей Захаровной.

– Вон, смотри! Петька Сафронкин грузовичок себе прикупил! Комбикорма в село возит, соседям продает. Одно загляденье, как крышу поправил! Аж, красной черепицей покрыл... А – ты!.. – чужим благополучием колола она глаза супругу.

– Ну, и покрыл! Что – с того? Повеситься мне теперь с горя, что ли?

– Дурак – совсем? О детях подумай!

– Я и думаю! А ты рот закрой, а то я тебе кляп в него засуну!

– Себе засунь, Леший!

– Баба Яга, тоже мне тут выискалась! – не оставался в долгу Степан.

Обычно, после подобного, весьма немногословного, но на редкость красноречивого диалога со своей благоверной, схватив ружье, он отправлялся в лес. Все-таки егерем был, а никаким-то купи-продай, как Петька и ему подобные. По дороге он заходил в сельмаг. Брал литру водки и что-нибудь из съестного подешевле.

Чрезмерную сварливость жены он особенно не осуждал. Понимал, в чем крылась ее истинная причина. Но и не приветствовал. К чести его сказать, сколько бы он не оправдывал поведение Лукерьи Захаровны, злости и обиды у него от этого не убавлялось, а, скорее, наоборот. К тому же, ревновала она его ко всем без разбору. То есть, ко всему слабому полу. И, в первую очередь, к незамужним бабам, которых в деревне было немало. Оправданной являлась ее ревность или нет, никто не знал. А сам Степан Иванович, естественно, не собирался своей жене ни в чем признаваться. Делал вид, что все ее подозрения – пустые! Но Лукерья Захаровна не унималась и частенько пыталась его:

– Ты чего опять к соседке по утру навевался?

– Это – к Анне, что ли?

– А – к кому ж, еще?

– Так, сама ж сказала, сахару дома нет! Вот я и зашел горсточку одолжить! В магазин-то идти, на другой край села, далече... Да, и денег у меня – нема!

– Вот – брехун! – ерепенилась Лукерья Захаровна. – Как – на пол-литру, так, всегда находишь, а, как – на что другое, сразу – денег «нема»!

В общем, от пустого крику жены и ее нелюбезного к нему отношения, Степан Иванович еще больше сердился, если не сказать, просто в бешенство приходил. Наверно, оттого он и беспощаден был к браконьерам. И недовольство семейной жизнью и досаду на весь белый свет, представления о котором легко умещались в пределах четырех стен бревенчатой избы, где он жил, и на полутора десятках гектаров вверенного ему для охраны леса, на тех, кто в него приходил отнюдь не красотами полюбоваться, вымещал!.. Если же, пострельщики и расхитители общественного добра чересчур наглели, принимал жесткие меры. А хулиганили, давал сдачу. С процентами.

За это на него жалобы писали. Мол, превышает полномочия егеря. Беспредельничает. Но начальство всегда за него горой стояло. Понимало, как непросто быть лесничим. Тем более, что никто на эту должность особенно не рвался.

За крутой нрав и несговорчивость сбывчики краденного леса однажды решили жестоко проучить Устюжанина. Затеяли шум, гам, как будто лес валят в неположенном месте. Ну, егерь-то и клонул! Объявился тут, как тут, словно по волшебству. Ружьишко, что за спиной на ремне болталось, на изготовку взял, да, как шарахнет из обоих стволов поверх голов контрабандистов. Те притихли. Перестали пилами да топорами тайгу оглушать.

– Вы чо, уроды, лес калечите? – спрашивает.

А сам в ружье патроны досылает.

– Может, вас порешить прям здесь и концы – в бубенцы? А? Чо молчите?

Те – все матерые мужики. Видать, пуганые. Притихли же, с умыслом!.. Вот Степаныч и не заметил, как сзади к нему двое хмырей втихаря подкрались. Один в ружье вцепился, другой – со спины обхватил так, что не шелохнуться. Прилип, как подошва башмака к плавленому асфальту. Словно по рукам и ногам связал. Вырвали у него двустволку, самого в сугроб швырнули. Егерь, не будь дураком, вскочил на ноги и тикать в лес. Они – за ним. Хорошо, Степан Иванович каждую тропинку в том лесу, как свои пять пальцев, знал. Капканы на них то там, то сям ставил для отлову зверья. Какого много было, на мясо и шкуры приходовал. Какого мало водилось, метил на свой лад и отпускал. В общем, вовремя вспомнил он про капканную тропу, какую совсем недавно в тех местах соорудил и драпанул по ней, не мешкая. Сам-то через иные поставушки перепрыгивает, прочие, аккуратно так, минует, а тем, кто – за ним по пятам, его маневры – невдомек. Минут через пять слышит, матерки ему вдогонку посыпались, и выстрелы загремели.

– Ну, погоди, сволочь! Все равно поймаем...

Прямо, как в мультике про волка и зайца... И – то, тем сериям конец пришел!.. А конфликту меж лесничим и браконьерами, конца и краю не было видно. К тому же, двустволку, которую те у него отняли, Степану Ивановичу было до слез жалко. Но у егеря еще одна про запас имелась.

Братки, которые всей этой грязной кухней заведовали, через третьих лиц пригрозили Устюжанину мстью. И он понимал, что это – не пустые слова... Но, что Степан Иванович мог поделаться? Бросить работу? Что, если его жена права была? И быть егерем, себе – дороже. Не профессия, а наказание!..

В довершение в семье разных хлопот не убывало...

Как-то старший сын Клим расстроенный со школы пришел.

– Что случилось? – спросил глава семейства.

– Да, ничего особенного! Отстань! – огрызнулся Клим.

– Как – это, ничего? Лица на тебе нет! Сказывай, говорю, в чем – закавыка?

Клим помялся немного, поскольку ябедничать не любил...

– Не пойду я больше в школу! Вот и – весь сказ!

– Это – почему? – удивился егерь.

– Да, потому! Не хочу, чтоб меня сыном Лешего дразнили! А все – из-за тебя...

– Ну, если – из-за меня!.. – вздохнул Степан, – так, я и решу этот вопрос! Не сомневайся...

И, впрямь, лесник сдержал свое слово. После короткой беседы с глазу на глаз между ним и директором школы, где учился Клим, к крайнему удивлению последнего, никто из ребят сыном Лешего его больше не обзывал. Но дружить со сверстниками, как прежде, он уже не мог. Обходили они его стороной. При встрече не здоровались даже.

– Ну, и черт – с вами! – сквозь зубы бросал им вслед Клим.

– Больно надо!

Занимаясь основной профессией, Степан Иванович Устюжанин помимо этого замыслил соорудить собственную пилораму. В этом случае, если бы все пошло, как надо, плаху и доски можно было бы продавать по выгодной цене. И ему – по душе занятие, и семье – достаток! Тем

более, что два сына егеря, Клим и младший Фрол, подрастали и со временем могли бы стать незаменимыми помощниками для него. Вот Степан и думал: откроет свой бизнес, и завяжет с прежним ремеслом, пока не поздно!

Но так случилось, что, когда пилорама была уже готова, и Устюжанин, так и этак, прикидывал кому повыгоднее сбыть первую партию лесоматериалов, к нему на хату, нагрянули уже знакомые ему бандюги, крышевавшие браконьеров, и загодя стали требовать свои проценты. То есть, делить с охотником шкуру пока что не убитого им медведя. Степан Иванович, не долго думая, послал их такой-то матери. Примерно, через месяц после этого его пилораму сожгли. А на месте пепелища нашли обгоревший труп ее хозяина.

2

Те, кто сотворил такое зло, как в воду канули. А, скорее всего, их просто не искали! Кому это надо-то было?

После гибели мужа его супруга, до сих пор и без того кое-как сводившая концы с концами, теперь, что называется, основательно села на мель. Работать ей приходилось с утра и до ночи, без выходных, на ферме да плюс к тому заниматься собственным хозяйством, чтобы выкарабкаться из нужды и вопреки всему поднять сыновей на ноги.

Дети видели, как Лукерья Захаровна надрывалась и, как могли, пособляли ей...

А потом из районного суда пришла бумага. Точнее, две. Согласно одной Устюжаниным предлагалось добровольно выплатить сельскому департаменту штраф за причинение ущерба лесному хозяйству. Другая ставила ответчика в известность о том, что местный леспромхоз, который неподалеку от бывшей пилорамы выкупил деляну для вырубki леса, предъявил Устюжаниным иск о возмещении материального убытка, так как деляна на треть выгорела. После состоялся суд. Но, так как денег, которые по его решению вдова лесника должна была выплатить истцу, у нее отродясь не водилось, участок земли и дом, где жили Устюжанины, стряпчие выставили для продажи с аукциона, чтобы, таким образом, компенсировать тот самый ущерб.

Лукерья Захаровна пыталась обжаловать несправедливое решение суда, почему она должна отвечать за то, чего не делала? Ведь, не она подожгла пилораму! Будь оно все неладно! К тому же, кто ей и ее детям вернет погибшего кормильца? Но на кассационное заявление ей пришел ответ, что наравне с погибшим мужем она также является собственницей пилорамы и потому обязана отвечать перед законом, так как в суде не было доказано, что причиной пожара явился поджог, а не халатное отношение к мерам безопасности и несоблюдение условий строительных норм и правил при сооружении производственного объекта.

– Вот же сволочи, что творят! Меня с детьми из собственного дому выгоняют нелюди эти! – со слезами на глазах возмущалась Лукерья Захаровна. – Что теперь делать-то, а? И впрямь, хоть в петлю полезай!

Наверное, она так бы и сделала, если бы не сочувствие и посильная помощь от добрых людей...

Глядя, как убивается от горя мать, Клима также долго не мог смириться со смертью отца, которого, не смотря на его тягу к выпивке из-за тяжелой жизни и нередких семейных ссор, сильно любил. Про себя он решил, что, когда вырастет, найдет его убийцу и отомстит. А, также, накажет и тех, кто лишил его, мать и брата родного крова! Но, трезво оценивая собственные силы, он также понимал, что без денег и известного положения в обществе, вряд ли, сможет осуществить свою месть. Поэтому еще тогда, в отрочестве поставил себе целью, что обязательно станет богатым, а, значит, удачливым и, хоть, кровь – износу, но преуспеет в том, в чем оказался совершенно беспомощен и неудачлив его родитель!.. Лишив Степана Ивановича жизни, какие-то законченные отморозки помешали ему претворить в жизнь задуманное...

– Почему милиция их не нашла и не наказала? – размазывая слезы по щекам, спрашивал он, то ли у самого себя, то ли у сидевшего напротив него в их детской комнате Фрота.

Фрол жалостливыми глазами смотрел на Клима и сам готов был вот-вот заплакать. Ему, так же, как и старшему брату, не нравилось, что учителя в школе, да и многие из ребят, словно нарочно, неуклюже наступая на больную мозоль, докучали им чрезмерным сочувствием, так, что от этого становилось еще горше, а про меж собой, называли сиротами Лешего. Но одним сочувствием сыт не будешь. Однажды, подслушав такой разговор, Фрол рассказал о нем Климу.

– Да, пошли они все, недоумки! Нет, чтоб реально чем-то помочь! – взорвался тот, негодуя на сверстников.

По его мнению, их жалость в сочетании со злоречием представляла собой гремучую смесь, подобную яду болотной гадюки, чей укус однажды мог стать смертельным для того, кому предназначался. Поэтому Клим пришел к мало утешительному выводу о том, что не вырвав с корнем жала, нельзя изменить природу человеческой низменности и коварства. В свое время это тщетно пытался сделать покойный Степан Иванович... Как оказалось, после назидания директора школы, прекратив дразнить Климана сыном Лешего, его однокашники лишь затаились на время!.. До сих пор изредка он общался с некоторыми из них. После же гибели отца стал вполне осознанно сторониться бывших друзей, словно чумы, и смотреть на всех без разбору с откровенным презрением и, к тому же, сверху вниз. Он, словно наперед знал, что после школы каждый из его товарищей пойдет по жизни своей дорогой, и их пути никогда не сойдутся вновь. Он – птица более высокого полета, а они... Но кто – они, ему было все равно. Лишь бы под ногами у него не путались! И за то – спасибо!

К Устюжаниным в дом часто приходила соседская Иринка. Так случилось, что мать ее, Анна Дмитриевна Уварова, без мужа жила. Гибель Степана Ивановича не могла не вызвать глубокого сопереживания в сердце доброй женщины. Это-то и сблизило ее с Лукерьей Захаровной. Дома их располагались рядом, а усадьбы разделял ветхий забор. Соседки часто виделись, и, как могли, морально поддерживали друг дружку. Они были не против того, чтобы их дети также проводили свой досуг сообща. Иринка была девчонка бойкая и живая. С длинной косой и большими во все лицо глазами. Она и Фрол очень хорошо ладили между собой и потому почти никогда не ссорились. Но, как только, придя со школы, в доме появлялся Клим, Иринка вдруг переставала обращать внимание на Фрола. Сидя на старом, расшатанном до предела, табурете, который, казалось, вот-вот развалится под ней, она украдкой стреляла глазками в Климана. Уж, очень сильно он ей нравился. Его решительно сдвинутые брови, колдовской взгляд, от которого, казалось, буквально кругом шла голова, не могли не впечатлить ее наивную и доверчивую душу.

Как-то Фрол с обидой спросил у нее:

– Чего ты на него уставилась? Влюбилась, что ли?

Но Иринка, потупив взор, ничего не ответила.

– А тебе – что, жалко? – неожиданно вступился за нее Клим.

– Жалко – у жужжалки! – не растерялся Фрол. И запальчиво добавил: – Это – моя девчушка! Я, когда вырасту, на ней женюсь!

– А, если она не тебя в женихи выберет, а – меня? Что тогда делать будешь, бедолага? – то ли в шутку, то ли всерьез спросил Клим.

Фрол внимательно посмотрел на него и сказал:

– Сам ты – бедолага! Зуб даю! Не выйдет у тебя ничего с ней!

– Это – отчего же, не выйдет?

– Оттого... Оттого, что ты никого, кроме себя не любишь! Ты – эгоист! Черствый эгоист! Все в классе тебя презирают! Поэтому ни одна девчонка в твою сторону... И не смотрит!

– Зато Иринка, глядя на меня, все глаза себе промозолила! – ехидно возразил Клим. – Ты ее не интересуешь! И знаешь, почему?

– Почему? – скорее автоматически, чем из желания узнать ответ на вопрос, спросил Фрол.

– Потому, что у тебя кое в каком месте до сих пор ничего интересного не выросло!

И он громко рассмеялся.

Но Иринка была девчонка с характером. Сделавшись от стыда пунцовой, в ответ она в сердцах топнула ножкой.

– Меня не волнует, на чьей грядке морковка поспела, а у кого из нее торчит, пока что, лишь одна ботва!.. Даже не рассчитывайте на это!

И, сердито насупившись, добавила:

– И потом, с чего это вы оба решили, что я за кого-то из вас замуж выйду? Вот Лукерья Захаровна услышит, о чем вы тут речь ведете, так она запретит мне приходиться к вам в гости! Еще и моей родительнице обо всем расскажет... Тогда, пиши пропало! Сечете поляну, придурки?

Но Клим, не обращая внимания на ее слова, и, видя, как злится Фрол, продолжал издевательски похихикивать.

Но это был смех не к добру.

Через месяц в дом к Устюжаниным пришли приставы и потребовали немедленно покинуть его.

– Да, куда? Куда я с двумя детьми пойду, скажите на милость? К тому же, на дворе – не май месяц!..

И Лукерья Захаровна указала на окно, за которым подвывала декабрьская вьюга.

– Дайте, хотя бы, перезимовать в собственном доме, а уж потом...

Приставы, видимо, пожалев бедную женщину и ее детей, ушли, но напоследок предупредили, что вскоре придут вновь.

Только Лукерья Захаровна хотела запереть за ними дверь, как с холода в сенцы юркнула соседская Иринка.

– Теть Луш, теть Луш! Вас выселяют, да? – затараторила она без умолку.

Устюжанина раздраженно буркнула в ответ что-то невнятное.

– Мама сказала, что вы можете у нас жить, сколько хотите! У нас, все одно, дом – наполовину пустой. А – вместе, веселее будет! И – потом, со временем, глядишь, совхоз вам новое жилище построит!

– Как же! Построят они... Гольтыба чухонская!.. Держи карман шире!

Поворчала, поворчала Лукерья Захаровна, но делать нечего. Через неделю переехала с сыновьями в дом к Уваровым, и прежние соседи стали жить в нем двумя семьями... К слову сказать, так продолжалось до тех пор, пока дети не стали заметно подрастать. Разнополые они были, и потому в одной комнатке им было спать не с руки. Иринка, формы которой заметно округлились и приобрели девическую привлекательность, вдруг стала сильно смущаться парней, в особенности Клина, который настолько возмужал, что в свои четырнадцать лет выглядел значительно старше. Она часто убегала из дому, пропадая целыми днями у соседских подруг, или бесцельно болталась по улице.

В свою очередь, Клим не то, чтобы приставал к Иринке, нет! Но, когда он находился рядом с ней, зрачки его глаз становились темней, ноздри расширялись, а дыхание учащалось. Ему хотелось схватить ее за плечи и поцеловать прямо в губы. Клим с трудом удерживался от этого необъяснимого желания. Ведь никаких особенных чувств к Иринке он не испытывал.

Как-то, подкараулив момент, когда они были в доме совсем одни, Клим предложил:

– А, пошли на сеновал!

Иринка хитро посмотрела на него.

– А денег сколько заплатишь?

– Денег? – растерялся Клим. – Да, нет у меня никаких денег! Сама знаешь...

Иринка ехидно усмехнулась:

– Вот когда будут, тогда я и подумаю насчет сеновала!

Но Клим был упрямый хлопец. Если, что в голову себе втемяшит, так уж клещами эту его затею потом оттуда не выгатишь. Лукерья Захаровна, когда на работу по утрам уходила, то малость денегат ему оставляла. Хлеба прикупить или еще чего там. Сдача с тех денег мизерная оставалась, и Устюжанина возвращать ее никогда не требовала. Потихоньку, полегоньку Клим прикопил денегат. Сумма получилась не ахти какая, но этого показалось ему достаточным, чтобы возобновить с Иринкой их прошлый разговор насчет сеновала.

Иринка не сразу, но, все ж таки, уступила Климу. Но с одной оговоркой: к ней не приставать. Иначе, она мамке своей и Лукерье Захаровне все расскажет. Клим пообещал, что не станет ее трогать ни при каких обстоятельствах.

– Ладно! Тогда пошли! – согласилась Иринка и взяла деньги.

Но когда они зашли в сарай и плюхнулись в сено, Клим спросил:

– А сколько тебе нужно денег, чтобы ты потрогать себя разрешила?

Иринка вначале сильно смутилась, а потом подумала и сказала.

– Много! Очень много!

– Ну, хорошо! – сказал Клим. – Я согласен тебе их дать! Только, когда вырасту и пойду работать...

Иринка округлив глаза, с удивлением посмотрела на него.

– Я – не банк и кредитов не выдаю! И, к тому же... Где – гарантия, что ты действительно вернешь мне потом деньги? А – вдруг, ты уедешь из села, и мы больше никогда не увидимся?

– Увидимся! – уверенно возразил ей Клим. – Чует мое сердце, что увидимся! Так, что зря не паникуй!

– А я и не паникую...

Но Клим, не дав ей рта раскрыть, вдруг обнял ее и поцеловал в засос. Иринка вначале опешила. Но, когда ощутила его руку на том месте, где ей недозволенно было быть, дико завизжала.

– Закрой рот дура! Иначе, все село сюда сбежится! Тебе же потом хуже будет! Насмерть засмеют...

Наверно, испугавшись огласки, та сразу притихла. А Клим, воспользовавшись этим, начал стягивать с нее одежонку. Иринка вначале изо всех сил противилась ему. Но Клим был гораздо сильнее.

– Уймись! Уймись, говорю! – как змей подколодный, шипел он ей прямо в самое ухо.

Но Иринка не выдержала и от отчаяния взвизгнула вновь.

Неожиданно дверь в сарай отворилась, и в ее проеме показался... Фрол!

– Кто – здесь? – сердито спросил он, напряженно вглядываясь во тьму.

Зарывшись с головой в сено, Клим и Иринка сразу затихли, чтобы нечаянно ни чем не выдать себя.

– Клим! Это – ты? Выходи! Я знаю, что ты – здесь!

Прошло какое-то время прежде, чем сено зашуршало и в сумрачной глубине обозначился силуэт.

– Ты – что? Следишь за мной, сопляк?

– Больно надо! – возразил Фрол. – Просто, я шел мимо... Слышу, в сарае – возня какая-то... Вот я и подумал, дай, зайду! Вдруг там сено воруют! Хозяйке чем потом скотину кормить?..

– Будет врать-то!.. И – вообще... Вали отсюда, пока цел!

– И свалю!.. Только ответь, ты Иринку случаем нигде не видел? Анна Дмитриевна еще с утра наказывала, со школы вернись, чтоб задачку одну по математике ей помог решить... Портфель-то Иринкин на скамье возле печи валяется, а сама она, словно сквозь землю провалилась!..

И Фрол ушел...

– Даже не знаю, как тебе это объяснить... – как-то затеяла Анна Дмитриевна давно назревший разговор с подругой.

– А ты ничего не говори! Чего попусту воздух сотрясать? Я – не слепая, сама все вижу. Дай нам еще месяц у тебя пожить, а там уже навсегда распрощаемся...

3

Через месяц Лукерья Захаровна вместе с сыновьями и впрямь покинула гостеприимную хату своей подруги. Клим и Фрола она на рейсовом автобусе отвезла в район, где располагался сельский интернат. После чего отправилась в соседнее село. Там в совхозе, как раз, доярок не хватало. Новый председатель ей обещал через год хату новую поставить, если Лукерья Захаровна работать на совесть будет. То есть, с утра и до позднего вечера за копеечную зарплату. А пока предложил пожить во времянке, что стояла в его усадьбе рядом с трехэтажным кирпичным особняком.

Деваться Устюжаниной было некуда, поэтому на любые условия она была согласна...

К чести председателя сказать, он оказался человеком слова и ровно через год и вправду срубил ей новую избу. Едва переступив ее порог, Лукерья Захаровна бросила скудные пожитки и отправилась за сыновьями в район, чтобы вытребовать у интерната детей назад. С опекунским советом на этот счет она заранее все обговорила и бумаги нужные, где надо подписями ответственных людей заверила. С месяцок или два она еще помыкалась по дурацким инстанциям, но детей все же себе вернула. С тех пор Устюжанина и двое ее ненаглядных чад вновь стали жить все вместе под одной крышей, не беспокоясь за завтрашний день. Сыновья ее стали посещать местную школу и учителя хвалили их за усидчивость и старание. В особенности, Клима. Жаловались лишь на то, что, несмотря на большие способности, он был очень замкнут в себе и плохо находил общий язык с товарищами. На замечания по этому поводу никак не реагировал. Словно эти самые замечания и не ему вовсе предназначались. А с выпускного вечера, едва получив аттестат, и вовсе ушел. Так, что его исчезновения никто даже и не заметил...

Вскоре Клим поступил в лесной институт, и, закончив, стал понемногу торговать лесом. Не все гладко у него поначалу выходило, но он не отчаивался, словно наперед знал, что задуманное у него, в конце концов, получится, как надо.

Фрол же готовился поступать в медицинский. Он не одобрял стремления брата пойти по стопам отца, и, тем более, его тайной мечты: непомерно разбогатеть.

Когда Клим, учась в столичном институте, приезжал домой на каникулы, а Фрол только заканчивал школу, они, как и прежде, зачастую не находили общего языка между собой, и часто спорили по пустякам. А иногда – на философские темы. Например, что – важнее на этом свете: дружба, связи, престижная профессия или любовь? Можно ли, живя в бедности, быть счастливым? И – так далее!.. Но Клим не придавал подобным спорам особенного значения и всегда придерживался своего особенного мнения, что – деньги, а не хлеб, всему голова!

Каникулы заканчивались, и Клим уезжал в столицу. Учиться в Москве было очень престижно! К тому же, учеба всегда давалась старшему Устюжанину легко. Он посещал все лекции, не пренебрегая ни одной, часами просиживал в библиотеке. Видя заинтересованность Клима в получении знаний, преподаватели в институте охотно шли на контакт с ним. Устюжанин чем-то необъяснимым умел расположить к себе кандидатов и докторов наук. К тому же, кое-кто из них являлся заведующим той или иной кафедры. Едва Устюжанин с улыбкой объявлялся в аудитории, где принимали зачет, преподаватель без лишних вопросов брал у него зачетную книжку и делал в ней соответствующую пометку. Не успевал Клим открыть рот и сказать два, три предложения, как за экзамен ему безо всякой проволочки ставили «отлично». Он часто заходил в деканат, словно к себе домой, и здоровался за руку с кем-нибудь из профессоров, если это был мужчина. Или слегка касался губами руки очаровательной служительницы Велеса.

Возможно даже, что талант найти правильный подход к тем, от кого зависела его дальнейшая судьба, у Клима превосходил все прочие его достоинства.

Учась на втором курсе, по рекомендации особенно благоволившего к нему доцента кафедры Поповского он устроился на работу в каком-то министерстве мыть полы. После окончания рабочего дня, драя их шваброй, он вдруг нечаянно наткнулся на оброненный кем-то на редкость увесистый бумажник. Помимо долларовых и рублевых ассигнаций в нем, оказалась визитная карточка чересчур рассеянного чиновника. Но, как полагал Клим, с учетом занимаемой владельцем портмоне высокой должности такой недостаток, как рассеянность, вряд ли, хоть сколько-нибудь умалял многочисленные достоинства министерского работника. Тем более, что помимо всего прочего, денег у чиновника, вероятно, было столько, что обнаружив нечаянную пропажу, скорее всего, он даже ее не заметит. И, все же, когда Клим прочел визитку хозяина толстеного бумажника, впечатляющего не только своими габаритами, но и содержанием, ему стало немного не по себе. Это был не какой-нибудь рядовой сотрудник министерства, а, как оказалось, один из тех, кто его возглавлял!

От предчувствия какой-то невероятной удачи, у Клима, аж, скулы свело!

На следующий день он с самого утра караулил «Мерс» этого влиятельнейшего функционера. А, после того, как тот вышел из машины, кинулся вниз по ступенькам парадного крыльца. Завидев несущегося к нему, точно ураган, молодого человека, дородный мужчина в черном костюме, белой рубашке и цветном галстуке остановился, как вкопанный... Какие только мысли, видимо, в тот миг не посетили его бедную голову. Наверно, как никогда на свете, он вдруг пожалел о том, что ездил в министерство без охраны. Но все его сомнения тотчас рассеялись, как только, очутившись шагах в трех от маститого бюрократа, слегка запыхавшийся Клим с его неизменной улыбкой на губах протянул ему бумажник.

– Да, кто – вы такой? – не на шутку рассердился чиновник.

Немного придя в себя после легкого шока, он даже побагровел от злости. И Клим подумал, что, помимо потери портмоне, верно, с самого утра этот дородный дядя, к тому же, сильно повздорил с собственной женой. И, скорее всего, из-за любовницы! Ведь, бывает такое... Клим и сам не знал, почему подобные мысли внезапно пришли ему в голову, но он тотчас прогнал их прочь...

– Кидаетесь тут на добрых людей, как ненормальный! Вам здесь – что, дом для умалишенных или – государственное учреждение?!

– Простите, бога ради! Вы ничего не теряли прошлым вечером?

Мужчина в черном костюме окинул наглеца с ног до головы взбешенным взглядом. Но потом вдруг, переведя его на собственный бумажник, чуть, было, не выронил сверкающий глянцем черный с белыми ободками кейс из потной руки...

– Так, это ж, и впрямь – мой! – наконец, изумленно воскликнул он, не зная радоваться ему неожиданно найденной пропаже, с которой он уже, как видно, смирился, или сделать вид, что ничего особенного не произошло, сохраняя при этом важную невозмутимость. – Где ты его нашел, дружище?

– Возле...

– Впрочем, не важно!

И чиновник, небрежно сунув портмоне в карман брюк, и, даже не удосужившись взглянуть на его содержимое, продолжил свой путь... «Во, дает!» – подумал Устюжанин, обескураженно глядя вслед удалявшемуся сановнику. Но тот, словно угадал его мысли... Взявшись за массивную ручку министерской двери, он вдруг остановился и, неохотно обернувшись, поманил Клима пальцем. Тот, не раздумывая, бросился вверх по лестнице.

– Спасибо, приятель! – вдруг сменив гнев на милость, и, добродушно усмехнувшись, сказал обремененный высокой должностью человек.

Затем, когда бумажник вновь очутился в его руке, он вынул из него ту самую визитку, по которой Клим определил хозяина его случайной находки и спросил:

– Как тебя зовут, парень?

– Клим! Клим Устюжанин! – не раздумывая, выпалил будущий олигарх.

– Что ж, Клим! Скучно будет, звони!..

Клим так и сделал, но уже после окончания института.

На третьем курсе Устюжанин закрутил роман с деканшей кафедры политэкономии. Она была значительно старше его возрастом, но – настолько без ума от поражавшего умом и успехами в учебе студента, что едва не развелась с собственным мужем. На четвертом племянник ректора ВУЗа пригласил Клина стать свидетелем на его свадьбе...

Клим был еще тот гусь!

– Ничего, Фрол! – хвастал он во время очередной встречи с младшим братом. – Скоро я стану богатым и куплю большой дом! Мы поселимся в нем втроем: я, ты и наша мать... Вот тогда и заживем на славу!

– Я не стану жить с тобой под одной крышей! – возразил тот.

– Это еще, что – за новости?

Младший брат, потупив взор, не решался посмотреть в глаза старшему.

– А вдруг его сожгут, как и пилораму нашего отца? Тогда и мы сгорим в нем заживо!

– Что за бред ты несешь, Фрол? Идя в лес, убей не волка, а страх в себе перед волком! – напомнил Клим младшему брату любимое изречение Степана Ивановича.

– Ага! – лишь для вида соглашался тот. – Если я и пойду в тот лес, то лишь с ружьем и патронами, не забыв начинить ими патронташ до отказа... Чтобы законы хозяев тайги, этих нелюдей, на себя вместо охотничьего костюма не примерить!..

– Ну, ты – придурок! – от души смеялся Клим. – Маленький придурок! Всю жизнь нищим решил прожить? Живи, я тебе мешать не стану, уж, это – точно! Завидовать мне еще потом будешь... Помяни мое слово! Конченный ты, люмпен!

– Кто? – не сразу понял Фрол.

– Голодранец, значит! Вот уморил, так уморил!

Но его слова ничуть не обидели Фрола.

– Я врачом буду! Людей буду лечить... Маму! Чтоб до ста лет прожила, не меньше...

– Ха-ха! Тебя самого лечить надо... В таком возрасте, а уже свихнулся!

Лукерья Захаровна не вмешивалась в их спор, хотя знала, что до ста лет ей, вряд ли, дотянуть... Да, и ни чему – это... А на том свете, глядишь, с мужем Степаном удастся свидеться.

Вскоре она и вправду умерла. А братья, кто – куда разъехались. И какое-то время лишь изредка посылали друг другу весточки. А потом... Потом, казалось, и вовсе забыли о существовании друг друга...

Часть первая

1

Это подруга Машка притащила ее на это чертово день рождение к Митяю. Они учились вместе в одном институте, где прежде преподавал, ее уже давно почивший родитель, профессор Аграновский. Вслед за ним умерла мать Марии, и разменявшая четвертый десяток та продолжала жить в профессорской квартире вместе с младшим братом Ильей. Ох, уж этот Илья! Но о нем немного позднее...

Сам Митяй Рукавицин, коренной москвич, рос и воспитывался в зажиточной семье. А, когда повзрослел и встал на ноги, на материальный достаток тем более не жаловался. Не имелось для этого никаких причин... Волосы у него были русые, вьющиеся. Белесые брови. Глаза светло-карие с хитрым прищуром. Лицо овальное. Под стать ему, и характер – добродушный и покладистый. Илья был крепыш среднего роста с отменным здоровьем, о чем свидетельствовал его всегдашний румянец на немного полных щеках. Казалось, чего бы ему продолжать водить дружбу с бедной Машкой, которая кое-как сводила концы с концами? Братец-то ее каковский фрукт был! Нигде не работал. Да и, как выяснилось, наркотой баловался... А вот – чего! До сих пор появлялся он у нее на квартире из-за определенной, то есть, мужской необходимости... А жениться, понятное дело, не хотел. Приходил с подарками. Деньжат подкидывал. Клим-то Устюжанин, хозяин фирмы, где Митяй работал, ему хорошо платил. И даже – очень. Но на большее Митяй не зарился. Почему? Да, все очень просто! Закваска у него была старомосковская. Коренные-то москвиты всяких немислимых богатеев на своем веку повидали. И, что потом с ними со всеми случилось? С богатеями этими?! То-то и оно! И Митяй был такой. Знал себе цену, но дозволенную черту никогда не переступал. Мудрость в его генах жила. Опыт вековой. Этого, как и талант, не пропьешь и по пустякам не разбазаришь. На этом, можно сказать, все и держалось всегда в престольной... А, значит, и – в стране.

Но на щедроты Митяя, как ни крути, Машке с братом все рано бы не прожить. Поэтому, чтобы, хоть как-то свой семейный бюджет устаканить, решила она одну из комнат в профессорской квартире приезжим за плату сдавать. Чем – не выход? Все так, когда припекало, поступали! Да и выбирать ей тоже особенно не приходилось. Дала объявление в газету. Так с Ирэн и познакомилась. Та приезжая была. Понятно, с какой целью она в Златоглавой объявилась. Покорять ее вздумала. А че там покорять-то?.. Смешно даже. Столица бедная, она – давно уже под чиновниками, как под монголо-татарским игом. Вся от коррупции сверху до низу прогнила. В общем, Ирэн богатый жених был нужен. И – весь сказ. Красоту свою она высоко ценила. Тонкая талия, грудь – второй размер. В шикарном копне волос – и брошь недорогая, как радуга. Брови, как два моста над Москва-рекой. Кожа – белая. Лоб – высокий. Походка – царственная. А глаза! Главное – это ее глаза. Ну, столько в них всего было! И озорства, и лукавства, и серьезности, и страсти. Да, глядя на Ирэн, всякий мог бы сказать, что это – вам не какая-нибудь обычная девчонка. Уж, если какого мужика в оборот возьмет, то, считай, как в Бермудском треугольнике или бесовском омуте, наподобие юркого коридора из реального в параллельный мир, он навсегда пропал.

Когда Ирэн у Машки жить стала, Илья сперва на нее тарашился, аж, зенки у него из орбит едва не выпрыгивали. Лишний раз, точно кол проглотил, шелохнуться при ней не мог. До того робел! Наверное, впервые такую бабу вживую видел. Сестра-то его, хоть и добра, и умна была, и черты приятные лица имела, но, честно признаться, рядом с Ирэн выглядела очень бледно. Ее карие глаза, каштановые кудряшки да тонкие, всегда плотно сжатые, словно она боялась слово лишнее обронить, губы и несколько крупнее, чем хотелось бы, костистый нос не производили

особенного впечатления на противоположный пол. Ну, внешность, как внешность. Не всякой же Моно Лизой на свет рождаться! Иначе, никаких богатств не хватит, чтобы сумасшедших красоток, если их будет на этой Земле значительно выше нормы, квартирами, машинами, бриллиантами да дорогими мехами задаривать. Хотя стремиться к этому, конечно, надо...

Но прошел месяц, другой после пребывания Ирэн на съемной жилплощади, и Илья заметно осмелел. То за руку Ирэн схватит, то глазки ей строить норовит. Даже как-то в кино пригласил. Ирэн поначалу это нахальство терпела. Ради Машки, конечно. Знала, как так любила своего непутевого братца. Но однажды не выдержала, так как наглость Ильи начала, ну просто зашкаливать... А дело было так! Подошел он неслышно к ней сзади и за талию обхватил. Щеку ей стал слюнявить. Девушка, аж, с лица вся сошла от злости. Пусти, говорит, сопляк! А то Машке все расскажу! Ну, и говори! Он ей отвечает. Ах, так! Взбрыкнула, как следует Ирэн. Рванулась из его объятий. Потом повернулась к нему лицом, да, как пощечину влепит! Илья растерялся даже. Такого он никак не ожидал от всегда сдержанной и тактичной съемщицы жилья Аграновских.

Больше он не приставал к девушке. Лишь искоса поглядывал на нее, словно обиду затаил и про себя думал: «Ну, сука, поплачешь ты у меня еще!» Но Ирэн его ничуть не боялась. Была уверена, что с ней не справиться ему. Восемнадцатилетнему дебилу! Он и наркотой-то стал баловаться, чтобы в армию не ходить. Под метр восемьдесят ростом, Илья очень сильно походил на сестру. Только, почти те же черты у него были несколько крупнее. И волосы немного темнее, чем у Машки. К тому же, смотрел он всегда на людей не так, как она, открыто и прямо, а, как-то затравленно, исподлобья. словно наперед боялся, как бы кто подянку какую ему не сделал невзначай.

2

Клим всегда любил женщин. А хорошеньких вдвойне! И сколь же их было у него! Если бы он решил посчитать, то, вряд ли бы, это получилось. Некоторых этот новоявленный Казановы уже не помнил даже по имени. Почему он не захотел жениться ни на одной из них? Может, ждал, когда ему встретиться, наконец, такая, которая заставила бы его забыть не только о других красотках, но и вообще обо всем на свете. Даже о бизнесе! Когда ему в голову приходила подобная мысль, он корчил страдальческую мину, точно у него страшно ныл зуб. Клим полагал, что женщины, способной сделать его своим рабом, в этом сумасшедшем мире просто не существует.

– Так, ты придешь ко мне на Днюху? – как бы, между прочим, накануне сего знаменательного события спросил Митяй, верный помощник и, пожалуй, единственный друг Клима.

Он был его правой рукой и курировал все крупные сделки, обещавшие баснословный доход.

Темноволосый, почти под два метра ростом, из-за чего немного сутулился, Клим равнодушно глянул сверху вниз на Митяя. Решительно сдвинутые к переносице брови, зеленые, как крыжовники, и слегка на выкате глаза, в меру заостренный подбородок с едва приметной ямочкой посередине, все говорило о том, что Устюжанин – человек на редкость дерзкий и целеустремленный. Эти черты его характера проявлялись во всем: в поступках и в движениях. Он не любил мямлить. И, если что-то задумал, то шел до конца, ни перед чем не отступая. Видать, потому и бизнес у него процветал.

Если бы у Клима спросили, что бы он сделал со своим другом, если бы тот предал его?.. Клим, не задумываясь бы, ответил:

– Убил!

Хорошо, что Митяй ничего подобного от него не слышал. Хотя только такой, как он, и мог с Климом ужиться. Поэтому здесь к уже представленному на суд читателя портрету Митяя вполне уместно добавить, что он редко выходил из себя. Но был во всем пунктуален и последователен. Прирожденный дипломат, кажется, при желании Рукавицин бы мог договориться даже с медведем о том, кому из них первым наведаться в богатый урожай кедровник за шишками, если б нечаянно встретил его на лесной тропе. И, пожав тому лапу, мирно проследовать своим путем.

– Ну, так придешь или нет? – снова спросил Митяй.

– А ты приглашаешь?

– Ну, так – еще бы! Не хочу своим местом под солнцем зря рисковать! Вдруг обидишься на меня, что не пригласил, да и уволишь к едрене фене!

– Не дрефь, не обижусь! Я – не обидчивый! И потом... Когда у тебя – Днюха-то?

– Я ж, говорил! В эту субботу!

Клим немного виновато и в то же время снисходительно улыбнулся. Улыбка у него была потрясающая. Она очаровывала и вызывала доверие. И Митяй невольно подумал, что, скорее всего, из-за нее все бабы и были от него без ума. А деньги здесь – ни при чем! Хотя...

Митяй почесал затылок.

– Так, придешь?

– Не могу точно обещать! Я на выходные собрался...

– Опять – в Куршевель?

– Чего я там забыл?

– Ага, понятно! Ну-ну!

Митяй обиженно насупился.

Клим насмешливо посмотрел на него.

– Чего тебе понятно? Дурья башка! В родные края хочу отправиться. Брата навестить. Давно не видел... Поэтому, сам понимаешь. Рад бы, но, обнадеживать напрасно не стану...

– А зря! На Днюхе-то моей серьезные люди будут...

– А – кто именно?

Взгляд Климá вдруг стал цепким и пронзительным, точно стрела, которую вот-вот выпустят из лука, чтобы поразить цель.

– Из мэрии, министерские... Из... банка! Да! Еще один – из бывших авторитетов. Теперь он – депутат. Фракцию возглавить хочет. И деньги ему для этого нужны.

Складки упрямо легли меж бровей Климá. Взгляд потемнел.

– Я не дам! Пусть даже не заикается об этом!

– Так, ты ж сказал, что на Днюху не придешь?

И Митяй подозрительно посмотрел на Климá.

– Потому и не пойду! А где справлять-то будешь?

– На даче!

3

Когда первый тост был произнесен, и дружно зазвенели бокалы с очень дорогим французским вином, случилось невероятное. Дверь в просторную гостиную, словно от удара ногой резко распахнулась, и на пороге появился человек высокого роста. Он был одет в черный балахон. Лицо его скрывала маска, подобная той, какие надевают убийцы в Голливудских фильмах ужасов... При виде странного незнакомца гости, словно сговорившись, разом затихли. В руках он сжимал ружье.

– Спокойно! Всем оставаться на своих местах!.. – с угрозой и сквозь зубы, видимо, чтобы сделать неузнаваемым свой голос, произнес незнакомец. – Иначе!..

Думая, что это шутка, гости поначалу захихикали, а некоторые даже захлопали в ладоши... Злобно рыкнув что-то себе под нос, мрачный тип в балахоне, поднял дуло кверху. Тотчас раздался ужасный грохот, и из образовавшейся в потолке дыры на головы сидевших за столом посыпались кусочки гипсокартона. Смех тут же прекратился...

Глядя на этого безумца, вряд ли, в тот миг кто-то из участников праздничного застолья, по-прежнему, сомневался в коварстве его преступных намерений, полагая, что человек в маске их попросту довольно убедительно и, прямо-таки, мастерски, разыгрывает. А его поведение, ни больше, ни меньше, загодя оплаченная театральная постановка! Ну, чистой воды – блеф... Нацелив адский предмет, несущий погибель, прямо в именинника, в странной и пугающей своей зловещей непредсказуемостью тишине, опасный чужак, не торопясь, направился прямо к нему между рядов обомлевших от ужаса гостей. В этот момент какая-то чувствительная особа, громко охнув, схватилась рукой за сердце. Другая пронзительно взвизгнула.

– Кто – вы? Что вам нужно? – с недоверчивым удивлением и в то же время бледный, как смерть, едва успел произнести Митяй, до того, как ружье уперлось ему в грудь.

– Не надо!.. Я прошу вас...

Но, вопреки его мольбам, палец киллера плавно опустился на курок. Сухой щелчок прозвучал, как выстрел. Оглушительно и до дрожи пугающе.

– Вот, черт! Осечка!

И человек в черном балахоне, сорвав с себя маску, со злорадной улыбкой вонзил свой торжествующий взгляд в именинника...

Митяй грохнулся на стул, точно у него отнялись ноги.

– Клим – это ты? Вот, падла! Шутки – у тебя... Ты меня так заикой сделаешь!

Клим снова хищно осклабился и при полной тишине протянул Митяю ружье.

– Это – тебе! Подарок! – как ни в чем, ни бывало, громко произнес он.

Ружье и впрямь было великолепное. С резным прикладом, серебряными скобой и спусковым крючком.

Точно пчелиный рой на чужака, посягнувшего на их святая святых – соты с медовым нектаром, гости, ропща и недоумевая, возмущенно загудели.

– Вы, молодой человек, часом у психиатра не наблюдаетесь? – спросил кто-то, подходя к Климу со спины.

– Откуда вы знаете? – поинтересовался Клим.

– Да, так!.. Сорока на хвосте принесла!..

– Во дает! Спятил мужик! Митяй! Кто – этот ненормальный?

Затем раздался приглушенный смех.

С трудом приходя в себя от шока, гости снова понемногу стали оживать.

– Это – мой добрый друг, работодатель и о...

Но гость, таким странным способом подаривший имениннику ружье, предусмотрительно ткнул его локтем в бок.

– ...Клим! Клим Устюжанин! – чтобы развеять всякие сомнения тотчас представил человека в мрачном маскараде Митяй. – Слыхали про такого?!

Но, вряд ли, кто-нибудь из гостей смог бы ответить Митяю на его вопрос. Подобные имя и фамилия встречались на каждом шагу и могли принадлежать кому угодно. К тому же, Клим избегал всяческой огласки по поводу его состоятельности и принадлежности к клану олигархов. Он был хорошо известен лишь в кругу равных себе по положению в обществе людей.

– Поздравляем! – словно спохватившись, наконец, крикнул кто-то.

– За нашего именинника! – подняв бокал, поддержал его другой гость.

Скоро все уже дружно скандировали:

– По здрав ля ем!!! По здрав ля ем!!!

И Митяя с полными до краев бокалами, словно сговорившись, плотным кольцом постепенно окружили его закадычные друзья и те, с которыми он познакомился не так давно. То ли в шутку, то ли всерьез один из них сказал:

– Вот, это – да! Круто! Митяй, тебе повезло! А, если б киллер был настоящий?

– Да, пошли вы все!

Лишь теперь, пригубив ароматного вина, Клим заметил направленный на него чудесный взор из-под темных, словно отбрасывающих легкую тень таинственности на все ее лицо, густых ресниц... молодой женщины.

– Кто – она? – спросил он у Митяя, но так, что кроме него, никто больше не мог его слышать.

– А а а! Э э эта?!

Митяй с сочувствием глянул на Клим.

– Что? Конец холостяцкой жизни приходит? С ней тебе так просто не совладать...

И Митяй слегка кивнул в сторону красотки. Но она этого, как будто бы не заметила...

– Да, не городи чепухи! – огрызнулся Клим.

– Ее зовут Ирэн! Она – подружка Машки! Той, что рядом с ней сидит...

Но Клим уже не слушал его. Вскоре он был возле Ирэн.

– Я не помешаю? По-моему, где-то я вас уже видел!

Он присел рядом с ней на стул, который к счастью оказался свободным, и еще раз окинул ее пристальным взглядом.

– А, по-моему, так, вы ошиблись!

Клим вновь, но на этот раз еще более внимательно, чем прежде, посмотрел на девушку.

– Может быть, может быть...

– Так, значит, вы тот самый олигарх и есть? – пользуясь моментом, безразлично поинтересовалась гостья Митяя.

– Что, уже донесли? Быстро же у вас тут информбюро работает!

Ирэн громко засмеялась.

– Машк, слышь? Информбюро – это, наверно, про тебя!

При этих словах щеки Марии слегка порозовели.

– При чем здесь... Олигархов у нас в стране по пальцам перечесть! Поэтому они – все на виду. Кто ж, их не знает? Вишь, чо с ружьем вытворил? Другого бы на его месте кореша Митяя в клочья порвали! А этому – ничего. Как с гуся – вода...

Теперь пришла очередь Клим сдержанно рассмеяться.

– А поехали отсюда к фиговой бабушке! У меня – лимузин... Там, во дворе дома... Я на нем приехал! Покатаю!

– Надо ж, какой – быстрый! Мы – едва знакомы, а вы...

– Так, жизнь, она, ведь, штука – короткая! Вчера родился. Сегодня женился!.. А завтра...

Поэтому, если не поспешить...

– А вы умеете быть убедительным!.. – усмехнулась Ирэн.

– Ну, так – как? Едем или нет? Или вам – дороже этот нищий и пьяный сброд?

И Клим, презрительно скривив рот, кивнул на сидевших за столами и уписывающих за обе щеки все то, что имелось на них жареного, пареного, вареного и ждало своей очереди, чтобы очутиться их в желудках.

– Сброд?!

Ирэн удивленно и в то же время вопросительно посмотрела на подругу.

– Ты езжай, раз олигарх приглашает! А я лучше здесь еще побуду. Шампанзе на хояву натрескаюсь!

– Ну, как знаешь!

4

Ирэн еще ни разу в жизни не ездила в таком шикарном авто. В нем была плазма в закрытом отсеке, пара мягких и очень удобных сидений, которые при необходимости сдвигались, образуя роскошное ложе для двоих. Был холодильник, стол и буфет. И даже умывальник и унитаз! Опупеть!

Они пили коньяк и тарасились в плазму перекидываясь ничего не значащими фразами до тех пор, пока он не обнял ее за талию. Она с любопытством посмотрела на него, как бы прикидывая наперед, чем этот флирт может для нее закончиться.

– Эй, олигарх!

– Что?

– Сразу быка – за рога? Ты со всеми – так, без лишнего базару?

– А – что, заметно?

– Дрожь в коленках выдает!

Потом он приблизил свои губы к ее губам. И она подумала, что, если станет сопротивляться, то он возьмет ее силой. На ходу из машины ей все равно выпрыгнуть не удастся. Кому потом докажешь, что он поимел ее? Ведь сама в эту хренову тачку к нему влезла. Никто ее ни к чему не принуждал!

Пока она, примерно таким образом, размышляла, он наполовину стянул с нее платье и его губы обхватили ее сосок. Дальше все шло, как по накатанной. Ирэн даже не заметила, как ее основательно забрало. Из ее горла, а, может, из какого другого места... В общем, откуда-то изнутри стали вырываться звуки, похожие, то на квохтанье курицы, на которую вскочил петух, то на вытье бездомной сучки... Поначалу ей, как будто бы, пришлось по душе, что этот олигарх, кроме всего прочего, кажется, умел ладить с женщинами. Вот только, что – дальше?

Кажется, незаметно для себя она произнесла это вслух.

– Дальше?

Он не ослышался? Его брови удивленно приподнялись.

– А? Что?

– Ты спросила меня, что – дальше?

Нервно дернув уголком рта, она небрежно хмыкнула.

– Неужели?

Сделав свое дело, олигарх, наконец, блаженно откинулся на спинку кресла.

– Сколько я тебе должен? – спросил он, снова налив ей и себе коньяку.

Она выдержала паузу.

– Миллион!

Честно признаться, такого он не ожидал.

– Это – шутка?

– Нет – не шутка! Ты ведь – олигарх! Что для тебя – миллион? Семечки! Милый пустячок!

– Издеваешься?

– Нисколько!

Он с подозрением посмотрел на нее.

– Тогда миллион – чего?

– Гм... Рублей, конечно!..

Ирэн услышала, как он с облегчением вздохнул. Не то, чтобы для него лимон «зелени» – чересчур много. Если бы для дела, так – не жалко. А платить столько за то, что трахнул бабу!.. Хотя не совсем так, конечно!.. Очень... Невероятно шикарную бабу! Ее необыкновенная красота, и то, что она отдалась ему сразу, а не строила из себя недотрогу – это взяло верх над его

природной скупостью. И мысль о том, что, запросив за поездку с ним в лимузине чересчур много, тем самым, она едва не вытерла о него ноги... Подобная мысль, невольно царапнув его самолюбие, тотчас куда-то бесследно пропала... Ведь выбор, как ему поступить дальше, в конечном итоге, она оставила за ним...

– А я уже думал...

– Плохо ж ты обо мне думаешь! Я ведь – не какая-нибудь там... Цену себе знаю!..

– Ну, хорошо! Будь, по-твоему!

– А теперь отвези меня на квартиру к Марии... Пожалуйста!

5

На следующий день Клим управился со всеми делами к вечеру. А потом позвонил Ирэн...

– Давай встретимся!

– Зачем?

– Я за тобой заеду!

Когда он подъехал во все том же лимузине, она ждала его возле подъезда дома, где проживали Аграновские.

– Как ты хочешь потратить свой миллион, если не секрет? – спросил он, когда они уже сидели в каком-то уютном ресторанчике, где играла живая музыка, и было немногочисленно, а пачки новеньких банковских купюр покоились на дне ее сумочки.

Устюжанин даже не запомнил названия того ресторана. Просто ехали мимо, увидели вывеску и...

– Как? Пока не знаю!.. Наверно, положу на банковский счет и буду копить на квартиру...

– Гм...

Сидя за столиком напротив, он вдруг посмотрел на нее в упор. В его взгляде было что-то откровенно вызывающее...

– А, если я куплю тебе квартиру?..

Губы ее изогнулись в ехидной усмешке.

– Ты хочешь быть моим любовником?

– Но, разве...

Она холодно глянула на него.

– То, что я переспала с тобой один раз – ничего не значит!

Клим, стараясь не встречаться с ней взглядом, наполнил бокалы вином. Неужели она так невообразимо высоко себя ценит?

– Не все можно купить за деньги, Клим! Ты нравишься мне, но не более того...

А потом, скрепя сердцем, он снова увез ее к Марии. Всю дорогу, пока ехали, они не сказали друг другу ни слова.

– Завтра увидимся? – спросил он напоследок.

Но она, уже выйдя из машины, в ответ лишь хлопнула дверкой.

– Ирэн! – приоткрыв окно, крикнул он ей вдогонку.

Девушка даже не оглянулась.

Неужели он в нее влюбился? Вот идиот!

Клим вспомнил ее прощальный взгляд, полный тайного торжества и укоризны. Может, она думала, что, получив от него этот злосчастный миллион, утерла ему нос? И научила, как надо себя вести, с мало знакомыми молодыми особами? На будущее, так сказать!

И дело, конечно же, было не в этом дурацком миллионе. Хотя прежде ни одной из своих любовниц он не выкладывал такой суммы после первого дня знакомства. Выходит, Ирэн их всех переплюнула! Она хотела заставить себя уважать и ткнула его носом в собственное дерьмо. В его чрезмерную самоуверенность, непомерный эгоизм и тщеславие. Неужели же только благодаря этим качествам он стал олигархом? Глупости – какие! Клим невольно усмехнулся. А его незаурядный ум, его трудолюбие?.. Наконец, его желание, во что бы то ни стало, добиться успеха! Сделать то, что даже в малой степени не удалось не только его отцу из-за жадных и подлых ублюдков, которых он обязательно найдет и накажет... Но не сейчас. Потом... Но и многим... Многим из тех, кто строил из себя крутых деляг!

Уже сидя дома за компьютером, он механически просматривал последние договоры с разными фирмами. Не допустил ли он где-нибудь просчета? Так уже случалось в его практике, когда явная выгода из-за какой-нибудь глупой ошибки оборачивалась серьезными потерями

в деньгах. И тогда ему приходилось прикладывать очень много усилий, чтобы выправить ситуацию и, так или иначе, получить свое. С криминалом он до поры, до времени напрямую не связывался, хотя понимал, что именно в преступной среде, возможно, он сумел бы нащупать нити, которые могли привести его к тем, кто однажды отправил на тот свет Степана Ивановича.

У Клим был знакомый следователь в генеральной прокуратуре. Точнее, бывший следователь, теперь – прокурор. По предварительной договоренности в любой момент он готов был начать поиски преступников. Но Устюжанин не хотел огласки. Поэтому ждал... Ничего, ничего... Всему – свое время. Он успокаивал себя, как мог. Клим действительно верил, что придет тот час, когда, наконец, он найдет тех, кто совершил преступление против его семьи. Точнее, они сами выйдут на него, почуяв запах больших денег. Деньги явились бы наживкой. А крючком?.. Крючком стали бы прошлые злодеяния мутных типов, способных на все ради сиюминутной выгоды.

В этот раз, как ни пытался Клим сосредоточиться на мыслях о работе, увы, в его взбудораженном воображении то и дело всплывал образ Ирэн. Ее чистые, светящиеся надеждой и любовью, глаза, капризные губы, чарующий голос, странная, завораживающая до обморока, мимика лица, порывистые жесты... А все вместе – это и было то, что так запало к нему в душу, и без чего теперь он, кажется, не мог уже жить! Потом он вспоминал момент соития с ней... Наверно, он поторопился. Ему нужно было вначале понять, что это за штука, а потом уже... Клим лишь теперь понемногу входил во вкус того, что отведал. До чего же хороша, а! Погрузившись в воспоминания, он словно наяву вновь ощутил прикосновения кожи Ирэн, запах всего ее непонятого существа. Он почувствовал это так явственно, что безудержная дрожь желания вдруг вновь охватила его с головы до пят. Как тогда, в лимузине! Нет, эта женщина – посильнее любого наркотика. Она ядовита, как змея. Не дай бог, умереть от ее яда! От любви к этой обольстительнице! Чего стоил один только ее взгляд! Сколько в нем – чувства собственного достоинства и какого-то чисто женского, лишённого всякой логики, ума! Когда Ирэн смотрела на Клим, это было похоже на поцелуй ночного неба с мерцанием звезд!

Клим так и уснул, уронив голову на стол перед светящимся экраном компьютера.

6

– Клим, а как же договор? Договор с зарубежной фирмой? Ведь завтра ты должен будешь его подписать!

Митяй растерянно захлопал ресницами.

– Зря я пригласил Машку с ее подругой... Как ее? Ирэн! На мою Днюху! Ведь это из-за нее ты собрался на целую неделю свалить в Лондон?

– Она – здесь ни причем!

– Как же! Рассказывай... Я ведь тебя предупреждал! Таких, как Ирэн, одна – на миллион! Ты просто ее недооценил. Ты перегнул палку. И теперь она будет тебе мстить!

– Иди, знаешь, куда?

– И пойду!

Митяй, как мальчишка, которому соседский пацан отказал в маленькой просьбе: дать немного покататься на его велосипеде, хотя много раз ему это обещал, обиженно надул губы.

– И пойду! – упрямо повторил он вновь. – Может, мне заодно написать заявление на расчет? По собственному желанию?

– И напиши! За чем дело стало?!

Клим с трудом сдерживался от злости.

Митяй и впрямь сел за стол, взяв листок бумаги и ручку... Но, прежде, чем заявление было написано, Клим вышел из кабинета, громко хлопнув дверью.

– Ну, и катись! – крикнул ему Митяй вдогонку, понимая, что Клим все равно, вряд ли, его услышит.

Клим позвонил ему уже из аэропорта.

– Скажешь шведам, что я вылетел по срочным делам. Придумаешь там что-нибудь! Понял? Да... А договор подпишем через неделю...

Когда самолет набрал нужную высоту, Клим подозвал стюардессу и заказал себе виски с содовой.

– Одну минуту, сэр!

По выговору Клим понял, что стюардесса – англичанка.

Когда она скрылась за шторками служебного отсека, отделявшего бизнес-салон от эконом-класса, он последовал вслед за ней.

– Сори! – сказал он.

Стюардесса живо обернулась, и рука Клим коснулась ее выпуклостей чуть ниже поясицы. Она удивленно и немного испуганно посмотрела на него. Впрочем, щеки девушки тотчас смущенно зарделись, едва тысячедолларовая банкнота легла на поднос с бокалом для виски. Она была прехорошенькая. Она не сопротивлялась, когда его широкая ладонь легла ей на спину. Грубо прижав к себе, он втянул ее уста в свой рот, языком слизывая помаду. Потом отпустил... Когда он прикоснулся к ним во второй раз, они были прохладными, тогда, как девушка вся дрожала, точно в лихорадке. Не отпуская ее, он прикрыл створки дверей и задвинул защелку...

– Плиз, ай аск ю...

Но он уже клал на поднос вторую тысячедолларовую бумажку. Затем – третью...

– Ин аф ар нот?

Минут через десять Клим сидел уже на своем месте и потягивал виски через соломинку.

Когда Устюжанин через салон проследовал к трапу приземлившегося самолета, стоя возле выхода, стюардесса демонстративно отвернулась от него.

7

Взяв в аэропорту «такси», Клим поехал в Сохо. Именно там он купил собственную квартиру в прошлом году. Сохо он выбрал потому, что жизнь здесь кипела и бурлила. А архитектура была просто сказочной. Но это кипение, бурление почти никогда не переходило дозволенных границ. Фешенебельные дома, бары, бутики, шопы, девочки на любой вкус и цвет представляли собой своеобразный ансамбль, каждый рельефный штрих которого являлся неповторим, а все вместе они создавали грандиозную и незабываемую картину современной цивилизации. Его поначалу лишь немного раздражало присутствие в Сохо геев. Но они не приставали, а, наоборот, вели себя довольно обходительно, при этом строя забавные рожи, что выглядело со стороны довольно смешно и глупо, и, в конце концов, Клим махнул на них рукой.

Сохо, на его взгляд, был своеобразным сосредоточием всех благ, к которым испокон веков стремилось человечество. Центром Земного шара! Именно поэтому там можно было встретить человека любой национальности. К тому же, эти люди всегда мирно уживались.

Клим полагал, что, если бы по примеру Сохо строились многонациональные государства, то в мире просто никогда не было бы никаких протестов и тем более войн. Армия была бы просто не нужна. И впрямь, казалось, полиция в Сохо отдыхала. В ней было что-то в большей степени театральное и бутафорское, чем устрашающее и лишний раз напоминающее о том, что закон – везде закон. Он справедлив, но безжалостен. И в Сохо, как и в любом другом районе Лондона перед ним все – равны.

Клим, поприветствовав седоусого консьержа, поднялся на нужный этаж и набрал код... Дверь открылась. Редкий гость в собственной квартире сразу обратил внимание, что в прихожей все сияло чистотой, поскольку служба каждую неделю наводила в его пентхаусе порядок за определенную плату. Сняв пальто, и, скинув обувь, он прошел в спальную комнату...

Наконец, раздевшись, Клим направился в душевую. Даже там имелся телефонный аппарат. Прежде, чем встать под теплый «дождь», Клим набрал нужного абонента и нажал на вызов. Ему ответил довольно приятный женский голос.

– Хай, Кэти! – сказал он. – Ты не сможешь сегодня придти?

Девушка на секунду замялась.

– Извините, мистер Клим, но у меня теперь – другая работа. Я вышла замуж и...

Клим усмехнулся.

– Дальше можешь не объяснять!..

Прежде Кэти была универсальным кадром. Она совмещала три профессии в одном лице. Являлась великолепной уборщицей комнат, поварихой и девушкой по вызову. В Сохо выжить было не так просто, как это казалось на первый взгляд. Тем более, молодой особе без богатой родословной, покровителей и связей. Наверно, поэтому с тех пор, как поселилась в Сохо, Кэти старалась изо всех сил, чтобы хоть как-то удержаться на плаву, а, если повезет, то и выбиться в люди. Хотя поселилась, сказано не совсем верно. Она моталась с квартиры на квартиру, выполняя свою работу, и в зависимости от желания того или иного хозяина, в особенности, если он был не женатый мужчина, со словами: «Уже поздно, я у вас переночую?», оставалась у него на ночь. Чего греха таить, она была довольно симпатичной девушкой с прекрасной фигурой, и, если бы на ее пути встретился достойный молодой человек... Впрочем, однажды все так и случилось. Хороший товар долго не залеживается на прилавках. Клим был этому, конечно же, рад, но, с другой стороны, он по-прежнему рассчитывал на Кэти. Ведь ко всем ее достоинствам она довольно сносно говорила на русском, так как в свое время закончила курсы переводчиков. А теперь, как выяснилось, ему придется искать другую домработницу. За те пару недель, что он прожил в Сохо, когда прилетел в Лондон прошлой зимой, он не поспутился и заплатил Кэти за ее услуги вперед довольно приличную сумму. И, как видно, она пра-

вильно распорядилась честно заработанными деньгами. На время забыв про прочих клиентов, тем не менее, почти ежедневно расторопная девушка отлучалась из квартиры Клима, чтобы прикупить для готовки продукты и иногда обновить собственный гардероб. И, как выяснилось однажды, обновки не только заметно преобразили внешний вид Кэти, но и пришлось ей весьма кстати.

– Мне идет это платье? – с обворожительной улыбкой интересовалась она у Клима, гарцуя перед ним в новом наряде. – А этот жакет и эти туфли?

А однажды в гостях у Устюжанина совершенно случайно объявился какой-то новый русский, которому в срочном порядке пришлось покинуть Москву и переехать в Лондон на постоянное место жительства из-за проблем с законом. Они познакомились с ним в одном из баров Сохо. Его звали Жека.

Клим схитрил и представил Кэти не как домработницу и, тем паче, девушку по вызову, а как племянницу, дочурку своего якобы старшего брата, который иммигрировал еще в начале девяностых. Поэтому русский Кэти хоть и знала, но изъяснялась на нем с приличным акцентом.

– Очень интересно! – сказал Жэка и смерил Кэти с головы до ног пристальным взглядом. – А могу я пригласить твою племянницу ...?

– Это ты не у меня, а нее спрашивай! – усмехнулся Клим.

– Кэти, ты – как? Кажется, ничего – жених, а? Как считаешь?..

Девушка смущенно улыбнулась.

И склонив голову к уху Жэки, Клим вполголоса, как бы по секрету, добавил:

– Ты – поаккуратнее с ней, приятель! До тебя у нее, считай, никого не было... Если не считать чисто платонических уз с одним идиотом!

Жека понимающе кивнул.

– Кстати, Кэти! Ты на занятия не опоздаешь?

– Какие занятия?

Клим незаметно ей подмигнул.

– А! Ну, да! Спасибо, что напомнил...

И Кэти с искренней благодарностью посмотрела на Клима.

– Учится она на последнем курсе в Лондонском «Метрополитане», – как бы, между делом, с серьезным видом изрек Клим. – Тему-то для дипломной, поди, уже выбрала?

– Выбрала! – равнодушно бросила Кэт. – «Прикладной перевод, как способ интеграции Всемирной литературы» называется...

– Нет, ты слышал, а?

– Ага!

И Жэка несказанно довольный новым знакомством с Кэти, поднявшись из-за стола, стал прощаться.

– Так, значит, завтра я позвоню? Вы – не против?

Понятное дело, что Кэти, конечно же, ничего не имела против этого довольно приятного на вид мужчины, как позднее узнал Клим, имевшего в Лондонском «Ситибэнка интернейшенэл» довольно кругленькую сумму.

– Это твой шанс начать новую жизнь! – сказал Клим напоследок Кэти. – Непусти его! Не будь душой...

8

Освежившись в душе, Клим решил навестить одну знакомую, которая, как и многие из тех, для кого Лондонград стал новой родиной, проживала в Холланд Парке. У ней был там свой небольшой особняк, и звали ее Настасья Поклонская. Точнее, княжна Анастасия. Этот титул она, то ли унаследовала от далеких предков, то ли в свое время купила в Москве... Проживая за рубежом, Анастасия считала, что такая статусная и весьма затейливая канитель, как титул, была молодой женщине крайне необходима, также, как и отличная родословная породистой лошадке. Короче, у ней частенько собирались соотечественники, чтобы хорошо провести время и пообщаться с себе подобными на родном языке. С княжной Клим познакомился, когда искал в Холланд Парке жилье. Остановившись возле приглянувшегося ему особняка, он вышел из «Taxi» и подошел к низенькой оградке, окаймлявшей зеленый лужок, по которому с маленькой и очень забавной собачонкой на поводке неспешно прогуливалась девушка довольно приятной наружности... Клим окликнул ее по-английски... Вскоре они уже приятно беседовали, охотно обсуждая разные темы, в том числе и ту, что волновала Клима. При этом со стороны казалось, что это – отнюдь не случайные знакомые, которых судьба свела впервые в жизни всего несколько минут назад, а те, кто хорошо знают друг друга не первый год подряд...

В этот раз лужайка была пуста, наверно, потому, что слегка накрапывал августовский дождь, и Клим, пренебрегая вымощенными булыжником дорожками, прошел напрямки по аккуратно стриженной траве к парадной двери двухэтажного особняка, на крыше которого располагалась обширная терраса.

– Не может быть! Клим, неужели это – ты?

Настя раскрыла ему объятья.

– Какими судьбами?

Устюжанин протянул ей бархатную коробочку. Она, не мешкая, тотчас открыла ее и вынула... Перстень! Золотой, с довольно объемным изумрудом и мелкими фантазийными бриллиантами вокруг него.

– Клим! Ну, Клим! Разве, так можно? Ты меня балуешь!

Настасья потому была всегда рада видеть Устюжанина, что он никогда не приходил к ней в гости без подарка. И еще потому, что нравился ей. Настя была белокурая, небольшого роста. У нее были правильные черты лица и очень умный пронизательный взгляд черных глаз. Ее отец был какой-то солидный чиновник. А мать – домохозяйка. В свое время они послали дочь учиться в Лондон, а потом купили ей там же особняк.

– Почему бы – нет? Ты ведь знаешь, я до сих пор не женат. Имею право!

Княжна Климу нравилась, но не более того. Как-то раз, когда после вечеринки они остались в особняке княжны совсем одни, она вдруг обняла его и поцеловала в губы. Правда, для этого ему пришлось наклониться. Но дальше этого дело не зашло. Клим знал, что, если переспит с Настей, то непременно женится на ней. И тогда с бизнесом в России ему придется завязать. Причем навсегда. Это было написано на лице у княжны. Она не потерпела бы измен, разлук... Она была честная, чистая и во всем обстоятельная. Конечно же, его денег хватило бы им с избытком, чтобы ни в чем не нуждаться до конца жизни... Еще детям и внукам бы осталось. Плюс деньги ее папаши. Но Клим считал, что такая жизнь – не для него, и жениться ему еще рано. Вероятно, он тогда еще не встретил ту самую... Единственную и неповторимую! А теперь... Теперь, даже здесь, в Лондоне, он все время думал об Ирэн. Может быть, ей позвонить?.. Немного позднее... Не сейчас! Или не стоит? Пусть не думает, что он запал на нее, и – все такое прочее...

– Пойдем!

Настя взяла его за руку.

– Я тебя познакомлю...

Они вошли в гостиную.

За столом сидели двое джентльменов. Одного из них Устюжанин узнал сразу.

– А а а... Климушка! Дорогой! С приездом – тебя!

Хакимов поднялся из-за стола и протянул Устюжанину руку. Это был крепкий мужчина средних лет с залысиной и восточным типом лица. Он имел свой бизнес в Лондоне, о котором предпочитал не говорить вслух. С ним Клим уже виделся прежде, поскольку тот часто бывал в доме у княжны. Звали его Карим Закирыч.

Другой...

– Это – Джеймс! – представила довольно молодого и высокомерного на вид молодого человека Настасья. – Коренной бриташи... Но немного говорит по-русски... А это – Клим Устюжанин! Олигарх!

– Благодаря тебе, Настя! – сказал Джеймс, холодно кивнув Климу.

– М... да! Я тут от нечего делать стала обучать русскому...

– И, к тому же, небезуспешно! – с усмешкой добавил Хакимов.

– В каком смысле?

По тому, какие красноречивые взгляды бросал Джеймс на княжну, Клим сразу же заподозрил неладное.

Настя, потупив взор, невольно замялась.

– Джеймс недавно сделал мне предложение!

Хотя Клим и не имел серьезных видов на Настю, но ревность невольно кольнула его в сердце. Он был уверен, что княжна тайно влюблена в него и, конечно, ждала, когда ей сделает предложение он, Клим Устюжанин, но никак не какой-то там Джеймс. Он – хоть и чистокровный англичанин, но человек вполне заурядный... Куда ему было тягаться с ним, Климом Устюжаниным!.. Одним из немногих!.. Избранным!

– Поздравляю! – без особенно энтузиазма обронил Клим.

– Но я пока не дала согласие! – словно бы оправдываясь, вяло возразила Настя и немного виновато посмотрела на Клима.

Этот взгляд девушки не ускользнул от внимания Джеймса.

– Я думаю, это – дело времени! Ведь так?

Молодой рыжеволосый Бриташи был уверен в себе. Он был одет в серую рубашку с рукавами до локтя, которая гармонировала с цветом его глаз, и черным узким галстуком поверх нее. На нем были брюки такого же цвета, как и tie herring¹, и на ногах – лодочки. Верхняя пуговица рубашки была застегнута, а стоячий воротник упирался ему прямо в подбородок. Его нос бульбочкой на конце постоянно морщился у переносицы, а редкие зубы при разговоре слегка обнажались. В мочку левого уха была вдета золотая серьга в форме гитары с бриллиантом посередине.

Настя ничего не ответила Джеймсу.

– Олигарх – это значит очень богатый человек, который украл деньги у своего народа? – спросил он по-английски, в упор глядя на Клима. – Настя, переведи, пожалуйста...

Княжна усмехнулась.

– Клим довольно хорошо говорит по-английски!

– Похоже, я не очень-то понравился твоему будущему жениху!

Клим сказал это в шутовском тоне.

– Но ведь вам выгодно, чтобы мы держали наши деньги в ваших банках и вкладывали их в вашу экономику! И – потом... Благодаря нам, такие женщины, как Настя – тоже здесь, и вы можете предложить им свою руку и сердце!

---

¹ Tie herring – галстук-селедка.

Джеймс отрицательно мотнул головой.

– Причем здесь – это? Обманывать свой народ, в любом случае – плохо!

– А, кто вам сказал, что мы его обманываем? У вас не совсем достоверные сведения на наш счет!

Но бритиш упорно стоял на своем.

– Вы – нечестный человек! У вас – очень много денег! А ваши люди – нищие!

Клим едва сдержался, чтобы не заехать этому Джеймсу по физиономии, но вовремя встретил полный мольбы взгляд Насти.

– А – что, у вас в Британии совсем нет бедных людей?

– У нас – все люди равны! А богатство не дает превосходства одних над другими... Бедность происходит из политического и социального неравноправия. Поэтому у нас нет бедных. У нас есть те, кто меньше получает... Но от этого они не чувствуют себя обделенными. Им просто не надо много денег. Они живут так, как хотят...

– Зачем же, вам – русская женщина?

– То есть?

– Вы не сможете ее полюбить, а она – вас! Ведь она выросла там, где быть состоятельным, значит, по-вашему, быть вором! У нее, как и у меня, желание выделиться из толпы и материально обеспечить себя, это – тоже в крови. Мы с княжной – одного поля ягода...

– Будет вам! – наконец вмешался в разговор Хакимов. – Давайте лучше выпьем! Настенька, поддержите компанию... Что – за разговоры, я не пойму?! Так и до худого дело дойти может!

– Господа! Я вас прошу не ссориться! Вы – у меня в гостях! Не забывайте об этом. Говорить можно о чем угодно, но без оскорблений! Это тебя касается Джеймс...

Слегка покраснев, Джеймс засверкал глазами.

– Сорри! Я, пожалуй, пойду!

– Джеймс, прости! Но я вынуждена была это сказать! Клим... Он – также мой гость!

– Разве, в порядочном доме может быть гостем тот, кто – не чист на руку!

– Джеймс! – воскликнула хозяйка, терпению которой, кажется, пришел конец.

– Да, ревнует он тебя, голубушка! – снова вмешался Хакимов.

– Неужели, ты это не поймешь? Он ведь – не дурак, поди. Видит, что Клим тебе – не безразличен... И – все дела!

– Я ревную?! – искренне возмущился Джеймс. – Как можно ревновать к такому?..

– Но это уже слишком! Настя, прости!

Привстав со стула, и, протянув руку через стол, Клим схватил молодого человека за отворот рубашки.

– Еще раз ты скажешь мне хоть слово!..

Побледнев, Джеймс рванулся изо всех сил. Послышалось что-то похожее на треск лопающихся швов... Оторвавшись, одна из пуговиц на его рубашке со звоном угодила прямо в пустой бокал...

– Оставь его в покое! Прошу тебя, Клим! – в отчаянии закричала Настя.

– Будет, говорю! Будет!..

Хакимов, вскочив на ноги, чуть, было, не опрокинул тарелку с бараньим филе под соусом...

Но Клим, уже несколько успокоившись, отпустил ворот обидчика и снова сел на стул, как ни в чем не бывало.

Не скрывая досады, которая, как в зеркале, отражалась на его лице, не в меру ревнивый Джеймс поднялся из-за стола и решительно направился к выходу.

– Ну, зачем ты – так, Клим? Проблем тебе – мало?

Настя была сильно огорчена случившимся.

- Фазер Джеймса – местный судья!
– Да и хрен – с ним! – не сдержался Клим.
– А – со мной? Вряд ли, Джеймс теперь захочет на мне жениться! И – все из-за тебя...
Сам – не ам, и другим не дам!..
– Ну, хочешь, я на тебе женюсь вместо него?
Княжна недоверчиво посмотрела на Устюжанина.
– Врешь, поди! Где ж, ты раньше был? Если б я и впрямь тебе была нужна...
– То – раньше, а теперь...
– Приревновал, что ли, к бритишу? Сразу мила я тебе стала! Вот – мужики!
– А – что, разве – плохие?
И Хакимов подмигнул Климу.
– Одно слово – собственники! Жадные – вы до баб и денег! И еще неизвестно, кто или что – для вас важнее!
– И – то, и – другое!
Взгляды Клим и княжны встретились.
Хакимов наполнил бокалы мадерой.
– Давайте выпьем! По крайней мере, мы, люди дела, и к власти не рвемся, как некоторые...
– Вот и – зря!
И сдвинув бокалы, они выпили.
– Почему – зря? Лично мне, власть – ни к чему! Мне – здесь хорошо!
– А, как же – Родина? – спросила Настя.
– Да, никак! Для меня Родина – это вы, мои соотечественники!
Едва приметная улыбка заиграла на губах Клим.
– Брось ты, Закирыч, преувеличивать... Мы для тебя – соотечественники, пока при деньгах. А, не дай бог, нищими станем, ты в нашу сторону и не глянешь! Скажешь, не так?
– Но, ведь вы – далеко не нищие! Поэтому я исхожу из того, что есть!
Отодвинув тарелку с Филе в сторону, Хакимов ткнул вилкой в семгу холодного копчения на серебряном подносе, залитую соусом из оливок с маслинами и посыпанную свежим луком и укропом, и отправил кусочек в рот.
– Да, я согласен! У меня – много недостатков! Я жаден, честолюбив, не глуп и потому люблю общество богатых, а, значит, образованных людей. Но это не говорит о том, что в моей душе нет места состраданию. Если мое лицемерие состоит лишь в этом, то извините!
– Не надо давить на жалость, Карим Закирыч!
В тоне княжны послышалось легкое раздражение.
– А то мы расплачемся, ей-богу! Вам ли себя жалеть? Даже, если у вас денег вполонину меньше, чем у Клим?!
– Откуда вы знаете? Что вам вообще обо мне известно!
От крови прилившей к лицу Хакимова, оно сделалось еще смуглее.
– Я, может быть, и в Лондон-то на постоянное место жительства переехал, чтобы стать цивилизованнее и избавиться от дурных черт своего характера!
– Ха-ха! – рассмеялась Настя. – А что в России не получалось?!
– Вот именно! Без хамства там никак не прожить! Заклюют к ядерной фене... Я пробовал!
– И без воровства – тоже? – зачем-то спросил Клим.
– А без любви? – добавила Настя.
– Вы позволите?
Родом с Кавказа Хакимов снова наполнил бокалы, выполняя, скорее всего, впитанную им с молоком матери и с молодых лет не раз опробованную в застолье роль тамады. Наверно,

именно поэтому Карим Закирович привык везде чувствовать себя немного хозяином положения и, к тому же, душой компании. К слову заметить, он и впрямь был довольно коммуникабелен и умел легко направить разговор в увлекательное для всех русло.

– Без любви, говорите?

И Хакимов красноречиво посмотрел на княжну.

– Без любви – в первую очередь! Впрочем, как и – везде, а не только в России...

Княжна снова рассмеялась.

– То-то вы через день стали ко мне на огонек заглядывать, когда узнали, что Джеймс сделал мне предложение...

Хакимов закашлялся, чтобы скрыть смущение.

– Я – права?

– Еще бы!.. Нет, я в том смысле, что... К чему вам – этот бритиш? Лондон – уже почти на треть русский город! Я ведь за вас беспокоюсь. Русской женщине нужен русский мужчина, а не...

– Ой, нет! Я не могу! Вы меня утомили...

И Настя расхохоталась, как ненормальная.

Клим тоже не сдержал улыбки.

– Княжна! Х хе! Вы, прям, нарасхват!

Как бы в знак примиренья и того, что, если мужчины будут продолжать в том же духе, она может просто не выдержать и лопнет от смеха, Настя подняла обе ладошки кверху.

– Хватит о любви! Мне кажется, нам лучше переменить тему разговора!

– Это – наше право! У нас всегда есть выбор. Ведь мы находимся в самой демократической стране в мире...

– Неправда, Закирыч! А – Америка?

– Скажите еще, Россия!

И гости, и хозяйка, кажется, были уже довольно пьяны.

– Почему – нет? В какой еще стране может быть столько богатых и столько нищих одновременно! И при этом соблюдается конституционный порядок. Проводятся выборы...

– Вот – маразм! Кому нужны такие выборы?

– Власти, конечно, и – народу! Согласитесь, что в России люди стали жить немного лучше!

– И это вы называете жизнью? Поверьте мне, дорогой Клим, подачки никого не делают счастливыми, а лишь множат количество холуев! Должна работать экономическая система, которой в нашей Отчизне до сих пор нет...

– Господа! Вы, наверно, забыли, что среди вас присутствует дама?.. И я попрошу при мне не выражаться!

– Бога ради, простите меня, княжна! – вяло произнес Хакимов.

– Ну, вот! А вы говорите – русский мужчина! От бритиша, по крайней мере, я никогда в жизни не услышу русского мата...

Едва она произнесла это, на пороге гостиной со слегка перепуганной физиономией появился мажордом.

– Сори! Анастасия Владимировна! Там пришли...

– Кто при...?

– Из полиции!

Клим и Хакимов молча переглянулись.

– Скажи им, что я скоро буду!

И мажордом исчез за дверью.

– Я ведь вам говорила, что у Джеймса фазер – окружной судья, а вы...

– Спросите, что им надо? И, в случае чего...

Но, не выслушав Клима до конца, княжна уже вышла из гостиной...

Минуть через десять она вернулась.

– Я сказала, что тебя в моем доме нет, Клим!.. Они спрашивали твой адрес, но я ответила, что он мне не известен...

– Спасибо, Настя! У меня просто нет слов!..

– Да, будет тебе, Устюжанин! Я своих не продаю, ты же знаешь. А спасибо в стакан не нальешь...

Вскоре Клим, попрощавшись с хозяйкой дома и Хакимовым, уже шел по одной из многолюдных улиц Сохо. Может, взять «Taxi», и – в аэропорт? Но Клим решил, что лучше дожидаться утра. Было уже за полночь, и даже, если учесть, что после неосторожного знакомства в доме у княжны его фамилия стала известна Джеймсу, в ближайшие несколько часов полиция, вряд ли, вычислит его адрес. Рассуждая таким образом, по дороге Клим заглянул в какой-то винный магазин, располагавшийся неподалеку от «Хэрродса».

Когда Клим вошел в квартиру и включил в прихожей свет, то едва не споткнулся обо что-то. С запозданием, глянув себе под ноги, он увидел туфли. Женские туфли! Значит, Кэти все-таки объявилась у него в доме...

– Кэти! – бросил он в темноту квартиры прямо с порога, а когда поднял глаза, то увидел ее, словно по мановению волшебной палочки возникшую в проеме двери, ведущей в спальную. – Я рад! Я рад, что ты – здесь...

– И я... Я тоже рада, мистер Клим!

Только теперь он обнаружил, что все ее лицо заплакано, а на щеках – темные полосы от туши с ресниц.

– Что – с тобой, Кэти? Что случилось?..

Не говоря ни слова, она быстрыми шагами приблизилась к нему, и, уткнувшись лицом в грудь, горько зарыдала.

– Ну-ну, будет! Прекрати это сейчас же... У меня уже вся рубашка – мокрая от твоих дождевых ручьев! – сказал Клим, глядя ее по волосам.

Потом он прижал свои ладони к ее щекам.

– Кэти! Посмотри мне в глаза!.. Ну, вот! Так-то лучше!

Склонившись, Клим легонько коснулся губами ее лба, чтобы хоть немного успокоить теперь уже замужнюю женщину.

– Тебе надо срочно придти в себя! А то, так – совсем негоже! Ты согласна со мной!

– Угу!

Она слабо кивнула и послушно поплелась за ним в кухню.

Клим откупорил бутылку очень дорогого «Шато» и разлил в бокалы.

– Выпей! Тебе это поможет...

Он извлек из пакета очень спелый и внушительных размеров яблок и, ополоснув под краном, сунул ей в руку.

Но не успел он это сделать, как в его домофоне зазвучала «Лет ит би».

– Кто бы это мог быть?

Клим снял трубку.

– Вы заказывали пиццу?

– Сейчас!

Через минуту он уже открывал дверь разносчику пиццы... К несказанному удивлению Клима он был, как две капли воды, похож на Жэку. Того самого нового русского, с которым в свое время он познакомил Кэти..

Наверно, оттого, что был сильно пьян, и, мало что, соображал, Жека грубо оттолкнул Устюжанина, и, не говоря ни слова, как ненормальный, кинулся в кухню.

– Так, вот ты – где, сука!

Клим услышал что-то похожее на шлепок.

– Ай, не надо! Прошу тебя!

– Домой, тварь! Домой! Немедленно! Не то я тебе щас покажу Кузькину мать, шлюха!

Жэка снова замахнулся, чтобы ударить Кэти... Клим вовремя перехватил его руку. Но это не утомило того, кто перед появлением в квартире Устюжанина представился разносчиком пиццы. Скорее, наоборот! Придя еще в большую ярость, свободной рукой Жэка вдруг схватил со стола нож, который Клим приготовил для того, чтобы порезать на дольки второе яблоко, оставшееся в пакете.

– Убью, козел!

Клим ни на миг не усомнился в том, что Жэка именно все так бы и сделал, если бы он это ему позволил. Перед мысленным взором Устюжанина в доли секунды промелькнуло, как острое жало ножа легко проходит между его ребер. А потом...

Не долго думая, Клим внезапно изо всех сил обрушил кулак на голову Жэки... Выронив нож, тот медленно осел на пол.

А после... Связав Жэку по рукам и ногам скотчем, и, оставив лежать на полу в кухне, Клим и Кэти до самого утра занимались любовью в спальне.

«Лет ит би» зазвучал вновь часов в десять утра.

– Да, что за ...!

Клим, с трудом продрав глаза, заплетающейся походкой направился к двери.

– Откройте! Полиция!

Видимо, Джеймс зря времени не терял. С помощью своего фазера он, все-таки, узнал адрес Клим. Чертов Бритиш!

9

После того, как Клим целые сутки просидел in the pre-trial detention² одного из полицейских участков Лондона, его, наконец, выпустили под довольно солидный залог. Из чего Устюжанин заключил, что к денежным мешкам вроде него у британского правосудия отношение особенное! Если б не княжна и ее связи, он бы парился в этой чертовой кутузке еще неделю, а, может быть, и две...

Помимо залога заплатив штраф в фунтах стерлингов, и, окончательно рассчитавшись с лондонским правосудием, он выехал в аэропорт.

Уже оттуда он позвонил Насте.

– Будет скучно, дай обязательно знать! – сказал ей Клим на прощанье.

– М да! С тобой, пожалуй, соскучишься... – не скрывая иронии, ответила княжна.

– И спасибо! Спасибо тебе от всего сердца!

– Скажи спасибо не мне, Клим, а твоему толстому кошельку!

И Настя отключила связь.

Потом Устюжанин сел в самолет... За время его отсутствия, Митяй уже дважды звонил Климу.

– Шведы больше ждать не могут! – кричал он в трубку. – Если ты тотчас не вернешься, они на экскременты изойдут и отменят сделку!..

– Не отменяют! Это для них – все равно, что поставить жирный крест на собственном бизнесе... Кто еще с ними контракт на такую немислимую сумму заключит?..

– Да! Чуть не забыл... Тут я у Машки в гостях недавно был...

– Ну, и – что?

Голос Клима поневоле сделался раздражительным.

– Ничего особенного! Ирэн про тебя спрашивала! Скоро, мол, вернешься?

Вот – паршивец! Митяй знал, как сделать так, чтобы его шеф, бросив все, сломя голову помчался на крыльях любви в Москву. Чертов Джеймс, едва не помешал ему в этом! Но, слава богу, ничего подобного не случилось. Клим сомневался лишь в одном: действительно ли он испытывал к Ирэн настоящее чувство? Может, это была вовсе не любовь, а очередная блажь, и – не более того? Олигарх, привыкший к легким и головокружительным победам на любовном фронте, на сей раз почему-то никак не мог в себе до конца разобраться... Словно что-то мешало ему это сделать!.. Или не хотел? Наверно, он ждал, что ослепленная его богатством и широтой натуры Ирэн, наконец, сломается и из очень гордой и несговорчивой девицы превратится в живой манекен, на который, придя из офиса уставшим, он сможет, точно на вешалку, нахлобучивать шляпу и одним движением, будто никому не нужное бросовое тряпье – на плетень, небрежно швырять потную рубашку и костюм. Вот тогда уже – точно, ни о какой любви речи идти не будет. Он наиграется ею в досталь и, в конце концов, она ему надоест. Тогда Клим поступит с ней также, как поступал со своими прежними пассиями. Даст энную сумму денег и укажет на порог.

Когда самолет приземлился, лимузин уже ждал Устюжанина на стоянке аэропорта. Каково же было его удивление, когда раскрыв дверку авто и опустившись на сидение, он вдруг обнаружил внутри салона Ирэн!

– С приездом! – сдержанно произнесла она, так, что он на секунду засомневался была ли девушка и вправду рада его приезду?

– Неужели – ты?

Клим отказывался верить собственным глазам.

---

² The pre-trial detention – следственный изолятор.

Она опустила свою ладонь на его колено.

– А, по-твоему, я – призрак, неземной дух, спустившийся с небес прямо на сиденье твоего лимузина? И тебе... Померещилась?!

Клим улыбнулся так, как это умел только он, и Ирэн ответила ему улыбкой тоже.

Стекло, отделявшее водителя от пассажиров, плавно приотпустилось, замерев на полпути.

– Куда прикажете ехать Клим Степаныч?

– Домой! Ко мне домой... Хотя нет! Рули в центр, где я пару недель назад купил квартиру... Помнишь, многоэтажка с лоджиями!

Вскоре они уже поднимались на лифту на восьмой этаж.

Потом он сунул ключ в замочную скважину. Клим и Ирэн переступили порог и дверь за ними захлопнулась.

– Скажи, зачем ты меня сюда привез? – спросила она, начиная что-то смутно подозревать.

– Как – зачем? Ты ведь хотела иметь собственную квартиру?!

– Но...

У Ирэн вдруг пересохло в горле.

Они прошли в одну из комнат и, порывшись в шкафу, он, наконец, извлек из нужного ящика папку с документами.

– Возьми, это – теперь твое!

Это был ордер на квартиру и еще какие-то бумаги, прилагавшиеся к нему, которые, судя по всему также принадлежало Ирине Олеговне Уваровой. То есть, Ирэн! Но она, едва глянув на них, решила отложить знакомство с ними на потом.

– А – прописка?! Московская прописка?!

Стоя посреди комнаты, она то бледнела, то краснела...

Клим, не скрывая своего превосходства, наслаждался ее растерянностью, ее душевным смятением... Колени ее подогнулись от слабости, и она машинально опустилась в кресло.

– Как ты это сделал?

Она смотрела на него, не мигая.

– Разве, ты забыла, кто – я?

– Все продается в этом городе и я... Я покупаю то, что мне нужно за деньги! Я позвонил из Лондона Митяю, и он переписал на тебя эту квартиру.

Ирэн, наконец, с трудом взяла себя в руки.

– А я-то думала, зачем ему вдруг понадобился мой паспорт? И даже не заглянула во внутрь него, когда Митяй мне его вернул... Вот – дура!..

Ирэн, прижав ладонь к губам, глупо хихикнула.

– Выходит, и меня ты тоже купил?

Клим достал сигарету и закурил.

– Нет! Ты стоишь гораздо дороже, чем эта квартира!

– Неужели?

В ее тоне ему послышалась откровенная ирония.

– Можешь не сомневаться!

– Ответь, а как ты определяешь стоимость женщины?

– Очень просто! Все зависит от того, насколько она мне нравится!

– Но я не уверена, что у тебя есть ко мне какие-то чувства, кроме похоти и неистребимого желания обладать мной!

– Если бы это было так, мы бы сейчас не разговаривали с тобой здесь!

Он приблизился к ней и, обняв, попытался поцеловать в шею. Ирэн слабо сопротивлялась, но лишь для того, чтобы еще больше разжечь его желание.

– Квартиры обычно покупают любовницам или женам! Я – для тебя, пока что, ни та, ни другая...

– Ну, так за чем же дело стало? Тебе квартира понравилась?

Ирэн неуверенно пожала плечами.

– Пока не знаю! Все будет зависеть от тебя... Ты ведь купил ее не просто так, а в обмен на мою...

Заметно побледнев, Ирэн вдруг нахмурилась.

– Так, знай!..

Голос ее предательски задрожал.

– Знай, что я – не проститутка!.. И эскорт услуг не оказываю. Если ты рассчитываешь лишь на это, то ноги моей здесь больше не будет!

– Посмотрим!

И Клим, повернувшись к девушке спиной, направился к выходу.

– Я распоряжусь, чтобы перевезли твои вещи! – бросил он ей на ходу.

– Вот самовлюбленный кретин! – воскликнула она, когда дверь за Климом захлопнулась.

10

Клим каждый день появлялся в квартире Ирэн. Приносил то цветы охапками, то сразу по нескольку коробок шоколадных конфет. Золотые сережки, кольца, браслеты... Ирэн сначала делала вид, что сердится и, мол, ничего этого ей не надо.

– Когда я съеду с этой квартиры, все это тебе останется! – говорила она пренебрежительно.

– Но – почему?

– В конец концов, я знаю тебя без году неделю!

– Ничего – страшного! Это – дело поправимое... Хочешь, я к тебе жить перееду? Насо-всем?! – однажды спросил он.

Впившись в него своими живыми искрящимися глазами, она облизнула пересохшие губы..

– Ты и вправду не против того, чтобы мы жили вместе? Как ...?

– ... муж и жена? – продолжил он за нее то, о чем не решилась спросить она. – Апустишь?

– Ты – что, издеваешься? Квартира-то только формально считается моей, а купил-то ты...

На свои кровные!

– То есть?

– Но ведь все знают, что олигархи – это кровососы! Из народа кровь пьют. Вот и ты – ничем не лучше!..

– А а а... Ты – об этом!

Клим усмехнулся.

– Но только одних денег... Тебе, видно, этого мало! Любви неземной еще хочется? Ведь, так?

– Ну, так! И – что с того? Всем любви хочется! Я-то, чем – хуже?

– Хм... Всем! Ты слишком много хочешь! И все – задарма! Вот, чую я нутром, прикипишь ты ко мне душой, прилипнешь намертво! Потом с кожей тебя от себя отдирать придется! Клещами из сердца вытаскивать, как занозу!..

– Не больно будет?

Клим даже не знал, сердиться ему на Ирэн или нет?

– Ха-ха!

И он изобразил на лице фальшивую улыбку.

– Только смеяться почему-то не хочется!

– А ты посмейся, посмейся! – предложила Ирэн. – Глядишь, и меня развеселишь! А-то, через край ты – серьезный...

– Положение в обществе обязывает!

– Надо же!

Ирэн, словно нарочно, пыталась задеть Клина за живое. Зачем? Возможно, она испытывала его! Проверяла на вшивость. Или вымещала на нем злость за то, что он покупал ее любовь, а не признавался в ней. Он брал ее и штурмом и осадой, но не как красивую женщину, а как живую куклу, как вещь, которой в своей жизни он уже отвел определенный уголок в мире стяжательства. В том мире, каким он владел целиком и полностью. И, что больше всего ее бесило, она готова была ему сдать! Вероятно, она ждала и надеялась, что он перестанет все в этой жизни мерить деньгами и переключится на реальные чувства...

– И, все-таки, ответь мне, Ирэн! Ты хочешь, чтобы мы какое-то время находились под одной крышей?

– Зачем?

– Чтобы лучше узнать друг друга!

– А что – потом? Ты отвезешь меня жить в свой шикарный особняк? В свой дворец?.. Как и у всякого олигарха у тебя должен быть свой дворец!..

В ожидании ответа Ирэн презрительно сощурилась.

– Видно будет! Ну, так как?

Ирэн напрасно рассчитывала, что Клим возьмет и отстанет от нее просто так. Она вдруг снова почувствовала себя в его полной власти, как тогда в лимузине, где он фактически навязал ей секс, которого она тогда не хотела. Да, частично он возместил Ирэн тот моральный ущерб, хотя, скорее всего, Клим полагал, что после его щедрых подарков, он, вряд ли, очередному предмету своего обожания вообще что-либо должен. Да и ей ли он заплатил миллион и купил квартиру? Ведь она – для него фактически уже его собственность. Конечно, как Клим сам говорил, гораздо круче тех смазливых дурех с бижутерией вместо мозгов, которые до нее у него до сих пор были, и чем – все прочее, если не брать в расчет золотого тельца, который приносил ему доход. А, если рассматривать Ирэн вместе с тем, что он вложил в нее, не отделяя одно от другого, то цена ее в глазах Клима лишь выросла еще больше. Но не настолько, чтобы в любую удобную для него минуту он не расстался с ней раз и навсегда... Так это или нет, Ирэн не знала. Что, если она ошибалась?

– Я хочу машину! – сказала вдруг Ирэн. – Свою собственную машину!

Клим вопросительно посмотрел на нее.

– Какую марку ты хочешь?

– «Ягуар»!..

Клим с удивлением посмотрел на нее.

– Люблю хищников!

– А – права?

– Прав у меня нет, но водить я умею!

– Кто бы сомневался!

11

– Ты – что, по уши втюрилась, раз подарки от него принимаешь? – спросила Мария, сидя с Ирэн на кухне за чашкой чая. – Дорогие подарки! Чего одна квартира стоит!..

– Сама не знаю? Может, со стороны виднее!

– Со стороны? С какой – правой или левой?

– Мне – не до шуток, Машуль!

– А мне так, кажется, что ты, наоборот, до конца не понимаешь всей серьезности своего положения! Теперь, когда ты закусила удила, то есть, приняла от него столько всего, как должное, он просто так с тебя не слезет. Захочет галопом на тебе проедется, так сказать, с ветерком! А то, и – рысью... Шпоры или плеть надо будет в ход пустить... Огреет! И ты слова ему не скажешь против!

– Много, я смотрю, ты понимаешь!

Но Аграновская и не думала возражать. По ее мнению, в этом не было необходимости, так, как доводы были слишком вескими.

– А то, что тогда, в его проклятом лимузине, в котором Клим увез меня со дня рождения... Он...

Но Ирэн не хватило духу до конца раскрыть душу подруге.

– Он был с тобой не очень любезен? Это ты хочешь мне сказать?

Машка, хлебнув из чашки, поставила ее на стол, чтобы досыпать еще ложку сахару.

– Это – чепуха! Стерпится – слюбится!

– Не в этом – дело!

– А – в чем?

– Ты, наверно, думаешь, что я просто так сюда, в Москву, приперла? Делать мне, что ли, больше нечего?

Машка придвинула к Ирэн вазочку с клубничным вареньем.

– Попробуй! Сама варила!

Ирэн так и сделала.

– Очень вкусно!

– Правда?

– А ты, считаешь, я вру?

– Ну, если нет, тогда я думаю, что ты в Москву приканала варенье мое попробовать...

– Дура – ты, Машка!

Ирэн, хитро глядя на нее, хихикнула.

– Понимаешь, после моего варенья, твой олигарх обалдеет, когда в губы целовать тебя будет! Или еще что делать... Бабы, почему для мужиков, сладкие, а?

– Потому, что варенья много едят?

– Вот-вот! – с серьезным видом продолжила Машка. – В самую тютельку наладила! А раз – так, до сути собственной головой дошла, значит, любишь ты его...

Но лицо Ирэн вопреки всему вдруг снова сделалось печальным.

– Пойми и ты меня правильно, Машуль! Клим, как снег на голову мне свалился! Я до сих пор в себя придти не могу! Наверно, я была бы очень счастлива, если бы он не напирал на меня так сильно, а дал время постепенно все осмыслить... А он с толку меня сбивает...

– С копыт валит, хочешь сказать... Удар – сбоку, крюк – снизу, потом – апперкот... Как – в боксе! Мой братец часто эту хрень смотрит, хоть спортом и не любит заниматься... Не знаю, что хорошего в мордобое нашел... Так, я с ним ссорюсь часто, чтобы со спортивного на другой канал переключил, изверг! Так ведь фашистом может стать или убийцей, каким! В подкорках-то все откладывается. Поэтому женщина, она, как лакмусова бумажка! Точнее, я хочу

сказать, что в том, как мужик относится к собственной бабе, характер его проявляется... Ну, то есть, хороший – он или нет? Если прессует, то, стало быть, однажды и до смерти запрессовать может... Только это я не твоего олигарха имею в виду, у которого еще на Днюхе Митяя, при виде тебя крышу снесло... Ты не подумай! А – вообще! Усекла?

– Так, может, мне вернуть ему все сполна и валить от него куда подальше, пока не поздно?..

– Но, ведь, из Москвы ты уезжать не хочешь, сама сказала!

– Москва – большая, здесь легко затеряться можно...

– Угу! От самой себя не убежишь! Этого не приручишь, так на другого нарвешься... Еще хуже!

И Машка в раздумье почесала нос.

– А ты жени его на себе, и – точка!

Ирэн снисходительно улыбнулась наивности подруги, у которой никогда не водилось уха-жера из числа олигархов. Все-таки между Митяем Рукавициным и его шефом была большая разница.

– Какой – «жени», Машуль! Тачку Клим мне новую покупает. «Ягуара». Права соорудить обещал...

– «Ягуара»?

Машка, словно ушам своим не веря, посмотрела на Ирэн, как на ненормальную.

– А ты все жалуешься!

Ирэн не ожидала от нее такой бурной реакции, поэтому про миллион, который Клим заплатил ей за секс в лимузине, ничего так и не сказала, хоть сперва и собиралась это сделать... Испугалась, наверно, за подругу, что после еще одного ее откровения та умом тронется!..

– За такой короткий срок получить столько всего! Да, тебе жизни не хватит, чтобы заработать хотя бы на половину холявного добра, что ты теперь имеешь! Может, местами с тобой поменяемся? Ты – как, не против?

– Машуль, мне – не до шуток! Чем больше Клим мне отстегивает, тем, как мне кажется... С каждым разом, когда получаю от него что-то, я все меньше принадлежу себе! Я думаю, что скоро я совсем перестану существовать, как самостоятельная... Как самостоятельная и самодостаточная личность! Он просто сотрет меня с лица земли! А я пожить еще хочу в свое удовольствие!..

– Сотрет! Сказала тоже! Что за бред ты несешь! Цену, что ли, себе набиваешь?... Ну, тогда, помимо всего прочего, выклянчи у него что-нибудь такое... Подороже... Особняк в Подмосковье. Этак, лямов за тридцать! Раз, тебе – все мало... А, если считаешь, что уже получила сверх нормы, то дай ему то, чего он от тебя хочет. И, нет проблем!

– Он и хочет, чтоб мы были вместе! Но не как муж и жена...

12

– У нас – целая неделя впереди! – сказал Клим, впервые оставшись на ночь в квартире Ирэн.

– Почему – только неделя? – наивно поинтересовалась она.

– Потому, что потом я улетаю в Стокгольм! Вообще-то я должен был лететь послезавтра. Но, учитывая мои семейные обстоятельства...

– Семейные? Мы – что, уже ...? Вот только я не помню, как такое могло произойти? У меня – что, амнезия?.. Где – штамп в моем паспорте?!. Где – свадьба и море цветов, куча гостей?!

Клим пристально посмотрел на Ирэн.

– В цивилизованных странах от подобной глупости многие давно отказались. Там, если люди подходят друг другу, они живут вместе, вот и – все!

– Но, ведь мы – в России!

– И, слава богу! Вряд ли, я на западе сколотил бы хотя бы ничтожную часть состояния, которое я имею здесь!

– А без этого ты не получил бы меня! – криво усмехнулась Ирэн.

– Выходит, ты – со мной только из-за денег?

– Но, ведь от этого ты не будешь меньше меня любить?

Слух Клима неприятно резануло ее признание. Возможно, это была всего лишь шутка с ее стороны. Но шутить подобным образом было очень жестоко.

Устюжанину вообще не нравилось, что Ирэн ему дерзит. Но при этом она улыбалась, и глаза ее светились любовью. По крайней мере, Климу так казалось. Видимо, Ирэн являлась натурой крайне противоречивой. В ее словах ему слышался протест, язвительность и даже легкая доля неприязни. А весь ее вид говорил об обратном. Попробуй, пойми их, этих женщин! Он уже и не знал, что думать! Но знал, что делать!.. Что, если он ошибался?

Клим приблизился к Ирэн вплотную и стал стягивать с нее платье. Когда она оказалась совершенно голой, он схватил ее на руки... Она не заметила, как очутилась на ложе в спальне. А потом Клим накинулся на Ирэн, точно у него не было женщины целую вечность. Он вытворял такое! Он, словно хотел ее съесть. Поначалу это пугало Ирэн. Но ощущение того, что она – в его безраздельной власти, возбуждало ее. А, затем внутри ее словно что-то взорвалось! Это и впрямь было похоже на извержение вулкана. На миг Ирэн даже показалось, что ее душа и тело вот-вот разлетятся на куски! Да, так, что потом не собрать! Она закричала, но не от страха, а от того, что ощутила ни с чем несоизмеримое блаженство где-то в самой глубине своего естества. Ничего подобного Ирэн никогда в жизни прежде не испытывала. Клим был первым, кто разбудил в ней женщину. Тигрицу, чьи необузданные инстинкты, однажды выйдя наружу, должны были изменить ее навсегда. Она понимала, что любовь и животная страсть – это не одно и то же. И, что первое без второго может сделать ее счастливой лишь наполовину, а второе без первого – несчастной. Это – две стороны одной медали. Но награда выпадает одним, чтобы оставить с носом других. Все не могут быть счастливыми. И за это надо бороться!

На второй день их сосуществования с Климом, который с самого утра уехал по делам, Ирэн принялась за обкатку подаренной ей машины... Ключи от нее она неожиданно нашла на тумбочке в спальне! Рядом с ними закатанные в прозрачный ламинат лежали права. Это настолько ошарашило ее, что она подпрыгнула на месте от восторга!..

– Значит, ты любишь меня, олигарх?! – спросила Ирэн, высунув язык, и глядя на свое отражение в зеркале.

В тот же миг раздался звонок. Наверное, это и было ответом на ее вопрос. Как такую можно не любить?

– Ты справишься самостоятельно? – спросил Клим.

– Справлюсь, не переживай!

Он промолчал, видимо, не зная, что ответить.

– Ты – всегда такая?

– Какая?

– Уверенная в себе?

– А, разве, может быть иной девушка олигарха?

Потом связь прервалась.

– Хм...

Она в недоумении повертела трубкой и отключила зуммер.

Когда Ирэн буквально на крыльях вылетела во двор, то на кармане среди других машин увидела «Ягуар» красного цвета.

– Бог, ты, мой! – невольно воскликнула она.

Автомобиль был с откидным верхом и переливался на солнце, словно Око Ра! Небесная колесница! Наверное, красота Ирэн, восседающей на той колеснице, должна была стать ее смертоносным оружием.

– Ты – где? – спросила она, прижав мобильник к уху, и, несясь, как вихрь, по одной из московских улиц.

Клим назвал адрес...

...Она припарковала «Ягуар» у обочины напротив его офиса. Это было трехэтажное здание, хорошо отделанное снаружи и внутри.

– Клим Степанович ждет вас!

Охранник привел Ирэн прямо к дверям его кабинета. Она повернула ручку и вошла. Но, не сделав и нескольких шагов, очутилась перед другой дверью. По левую руку от нее стоял офисный стол с компьютером. Секретарши не было. Вероятно, Клим предусмотрительно отпустил ее пораньше с работы.

Заслышав шаги, Устюжанин сам вышел навстречу Ирэн. При виде ее он сдержанно улыбнулся и предусмотрительно подал руку, когда она сделала шаг, чтобы переступить порог.

– Чай, кофе? – спросил он, усадив ее в кожаное кресло.

Она закинула ногу за ногу, еще больше оголив и без того наполовину обнаженное бедро.

– Хорошо – у тебя, здесь!

Белый тюль с сиреневыми вертикальными полосами слегка колыхался под дуновением искусственного ветра.

– И – не жарко!

Конденсаторов было два. Один крепился на стеновой панели между двух окон, другой – в точности напротив. Если бы от первого ко второму вы мысленно провели невидимую линию, она разделила бы кабинет напополам.

– Ты лишь за тем и приехала, чтобы сказать мне это? – спросил он.

– Нет! Не только...

Опершись на ручки, Ирэн неохотно поднялась из кресла. Грациозно покачивая бедрами, она медленно подошла к нему. Она склонилась над ним, и ее губы коснулись его губ.

– Спасибо за тачку! Она – просто супер!

Сказав это, гостя олигарха направилась к выходу.

– Ирэн! – бросил Клим ей вдогонку.

Она остановилась и вопросительно посмотрела на него.

– Я сегодня немного задержусь!..

В знак согласия она хлопнула длинными ресницами.

– Ты не обязан передо мной отчитываться! Ты, пока что, еще – не мой супруг, а я – не твоя благоверная...

Когда Ирэн вышла, Клим с досадой треснул кулачищем по столу. Как она смеет так разговаривать с ним! Ирэн просто ненасытна. Мало ей квартиры, машины и всего, что он для нее готов был сделать!.. Она вдобавок ко всему хочет его охомутать... Если он станет ей во всем потакать, тогда его бизнесу рано или поздно придет конец. Клим привык чувствовать себя вольной птицей. А что, если и она – тоже? А ее намеки на заключение брака – это всего лишь способ дать ему понять, что каждый из них вправе жить собственной жизнью? Их связывает лишь секс, и – не более того!

Придя к такому выводу, Клим подумал о том, что, возможно, он совершил ошибку, задаривая ее всем подряд... Она просто этого не оценила и никогда не оценит. Может, ему еще пару раз переспать с ней для порядка и послать к такой-то матери? И, все же, вопреки здравому смыслу, Клим чувствовал, что не хочет расставаться с ней. Но и предложить ей руку и сердце, это было бы чересчур! Это шло в разрез с его принципами. До сих пор он не хотел связывать свою жизнь ни с одной из женщин... Помимо его работы, которой он был загружен с утра и до поздней ночи, боязнь, что в дальнейшем некоторые свои действия Климу придется согласовывать с будущей супругой, мешала ему сделать подобный шаг. И потом... Он почти ничего не знал об Ирэн! Что, если ему навести о ней справки? В конце концов, он даже понятия не имеет, кем она была в прошлом и чем занималась?.. В то же время, не желание хоть сколько-нибудь разочаровываться в девушке, чья красота ослепляла его и затмевала ему разум, вызывало у Клима протест при одной лишь мысли о чем-либо подобном. К тому же, копаться в чужом грязном белье... По его мнению, это было слишком низко!

Взяв трубку, Устюжанин нажал кнопку вызова.

– Митяй! Зайди ко мне в кабинет! Да... И прихвати бумаги по деревообрабатывающему комбинату! Пройдемся еще раз по каждому пункту. Шведы должны понимать, что уступок больше не будет. Есть черта, которую я не намерен переступать. Вот то-то! Наши люди тоже есть и пить хотят...

13

Сев в машину, Уварова вынула из кожаной дамской сумочки «Renato Angi», которую, расщедрившись на презенты, несколько дней назад ей подарил Клим, мобильник.

– Але? Игнат?.. Да, это – я! Ты – на месте?.. Надо бы встретиться... Нет, не долго!.. Я – в пути...

Грозно рокотнув, красный «Ягуар» рванул с места...

Минут через двадцать Ирэн была там, где нужно. Оставив машину, она вошла в офис модельного агентства, располагавшегося в трехэтажном здании, окрашенном в бежевый цвет. Саранский уже ждал ее.

– Ирочка!

Игнат раскрыл ей навстречу объятия. Это был человек средних лет с залысиной во весь затылок, крупным мясистым носом и добродушной и в то же время хитровой улыбкой во все его лоснящееся от сытости и тайного самодовольства лицо.

– Ну, здравствуй, моя, ты, Шахерезада!

– И тебе того же, папочка, желаю!

– Как я по тебе соскучился, не представляешь! Хорошо, хоть дорогу к нам не забыла...

И он, прильнув к девушке, звучно чмокнул ее, словно в созданную для поцелуев щеку.

– Считай, Игнат, что забыла!

– Ну, да? – удивился и даже немного расстроился он. – Мне ведь теперь тебя и заменить не кем!

– Что? Девчонки в вашем агентстве перевелись? Или заездил ты их совсем? А они так обленились, что на работу выходить не хотят!

– Тебе б все насмеяться, как я погляжу! Разве, хотя бы одна из них может с тобой сравниться?

– Может, может! – рассмеялась Ирэн, стараясь не показывать виду, что явная лесть Игната, все-таки не оставила ее равнодушной. – Если только перышки, как следует, почистят.

– А тебе бабло больше не требуется? Ты прошлому клиенту так понравилась, что он готов заплатить вдвое больше, лишь бы только...

– Зато он мне не особенно по душе пришелся! Старый жмот! Поэтому перебьется! Хотя дело не только в нем...

– Что ж мне ему ответить?

Игнат как-то жалко и растерянно захлопал ресницами.

– Достал он меня уже так, что ты и представить себе не можешь!.. Раз пять звонил! Узнавал, когда ты с ним...

– Уже – никогда!

Игнат заметно помрачнел, и в глазах его мелькнули плохо скрываемые раздражение и ненависть. Девушка никогда прежде не вела себя с ним столь категорично. Еще какое-то время сутенер хранил угрюмое молчание.

– Скажи, в чем – дело?! Замуж, что ли, выходишь?.. – наконец, не выдержал он. – И кто – он, если – не секрет? Мы, ведь с тобой, вроде бы как контракт подписали! В нем указан адрес, по которому ты теперь не живешь... Спасибо, что хоть номер мобильного не поменяла!

– Да, грош цена твоему липовому контракту, Игнат! И ты это сам знаешь! А на счет – «замуж» или еще куда, это никого не касается!

– Значит, вот ты как заговорила, Ируся?

Игнат больше уже не скрывал своего недовольства.

– Ладно! Хорош попусту чесать языком! Ты знаешь, зачем я пришла. Где – мои деньги? В прошлый раз ты заплатил лишь часть из причитавшейся мне суммы.

– Деньги, говоришь? Будут тебе деньги, когда наш уговор начнешь исполнять и клиентов ублажать!

Ирэн высокомерно усмехнулась.

– Может, тебе самому попробовать это делать? Или твоя задница никого больше не интересуется?

С этими словами Ирэн повернулась к статусному проходе спиной и пошла прочь.

– Вот – проститутка! Ну, ты и – проститутка! – заорал он ей вдогонку, едва сдерживая желание броситься вслед обидчице и задать ей хорошую трепку.

Конечно, при желании он вообще мог бы не выпустить Ирэн из агентства, стоило лишь ему дать знак дюжим молодцам, работавшим на него. Но до тех пор, пока он не выяснил, с кем связалась эта сумасбродка, предпринимать что-либо было рискованно.

Ирэн же в злости, хлопнув дверкой своей новой машины, со всей дури помчалась домой, уже в глубине души жалея о том, что она вообще появилась в этом дурацком агентстве и напомнила о своем существовании этому законченному мерзавцу Игнату. Он слыл человеком подлым и мстительным и при желании мог не только напакостить ей по мелочам, но и сделать нечто гораздо худшее.

14

– А у тебя – как с другими девушками? Например, со шведками? – спросила Ирэн, когда они уже ложились спать. – Отношения налажены?

– Не понимаю, о чем ты! – недовольно ответил Клим.

Это было за день до его отъезда в командировку, о которой он говорил сожительнице почти неделю назад.

– Может, мне с тобой поехать?

– Это исключено, Ирэн! На этот раз у меня – чисто деловая встреча...

– А – что, бывают и не деловые?

– Всякое бывает! – снисходительно заметил Клим.

– Я понимаю...

– Это – вряд ли!

– Но почему? Все – ясно, как божий день! Ты там, в Стокгольме, наверняка, подцепишь какую-нибудь блондинистую скандинавку и не упустишь возможности позабавиться с ней. Конечно же, после того, как уладишь все свои дела! Я права, не так ли?..

Но Клим не дал ей договорить. Он вдруг обнял Ирэн и стал покрывать поцелуями ее лоб, глаза и плечи... Он делал это так страстно, что у ней перехватывало дыхание... Она пыталась еще что-то сказать, поскольку при одной мысли о его командировке ревность рвала ее сердце на куски, но из этого у ней ничего не вышло.

Ирэн попыталась высвободиться из объятий Клим.

– Ты не даешь мне произнести ни слова! – воскликнула она в отчаянии.

– Неужели? – удивился он, наконец, слегка поостыв.

Ирэн сердито сверкнула глазами.

– Ты – что, меня совсем за дуру считаешь?

– Гм... Могу тебе лишь сказать, что твое поведение никуда не годится!

– Разве?

– У меня такое чувство, что перед нашим расставанием ты хочешь, во что бы то ни стало, закатить мне сцену супружеской ревности! Иначе, все те дни, которые я проведу вдали от тебя, ты ногти будешь грызть от злости!

Ирэн в досаде прикусила губу.

– Где – логика? Скажи, не ты ли мне недавно говорила, что мы – свободные люди?!..

И ничего, кроме секса, нас вместе не связывает?

Это был своего рода шах и мат!

– По-твоему, я – не права?

Ночь Ирэн провела в спальней одна. Клим же расположился в соседней комнате на диване.

Утром Устюжанин ушел, даже не попрощавшись с Ирэн.

Они снова встретились лишь через неделю, когда Клим вернулся из Стокгольма.

– Это – тебе!

Вынув из коробки, Устюжанин протянул Ирэн какой-то сверток, перетянутый крест на крест темно-бардовой тесьмой.

– Что – это? – спросила Ирэн.

– Разверни, тогда узнаешь!

– Ты говоришь загадками!

Ирэн легонько потянула за кончик тесьмы.

– Какая прелесть!

Это было очень дорогое вечернее платье из шифона бирюзового цвета. Приталенное, с маленькими изумрудами вдоль выреза на груди и декольте на спине. Когда Ирэн облачилась в него, Клим смерил ее с головы до ног придирчивым взглядом.

– Кое-чего не хватает! – сказал он, ловя себя на мысли, что едва удерживается от желания подойти к Ирэн и овладеть ею сию же секунду.

Но она и впрямь была так обворожительна, что это невольно сбивало его с толку. Клим еще какое-то время втайне любовался ею.

– Чего не хватает?

Клим сунул руку в карман и вынул из него бархатную коробочку.

– Взгляни на это!

– Вот – это да!

Восторженное восклицание вырвалось из груди Ирэн. Глаза ее зажглись, как то, чего прекрасней нет на земле.

Вскоре в ушах девушки красовались похожие на нити дождя алмазные серьги.

– Тебе нравится, Клим? – спросила она, пристально разглядывая собственное отражение в зеркале.

– Ты еще сомневаешься в этом?

– И... Это – все мне? – наконец, неуверенно спросила она.

– Кому же – еще?

– Но...

Ирэн, как бы, в некотором сомнении, кокетливо пожала плечиками.

– Что значит «но»?

– То есть, я хочу сказать, что все это не имеет смысла, если...

Ирэн умолкла.

– Если мы все равно не будем мужем и женой? Ты это хотела сказать?

Глаза Ирэн невольно увлажнились.

– Я купил тебе это платье, чтобы ты смогла участвовать вместе со мной в светском рауте... Там будет очень много нужных людей. И... Для меня... Для меня это – очень важно! Надеюсь, ты – не против?

– Выходит, это хорошо продуманная тобой акция и – только?

– И – только! А ты думала?

– Ты вложил деньги в эти наряды для меня, чтобы завести нужные связи и потом поиметь очень хорошую прибыль со всего этого? Я правильно тебя поняла?

– Ты – просто редкая умница!

Ирэн с видимым облегчением вздохнула.

– Так бы сразу и сказал! Нечего было мне чуб кучерявить!

– А я и не кучерявлю! Разве, ты меня не ждала с подарками?

– Хм... Что – это, за подарки? Подарки – это, когда от души дарят! А у тебя все – с расчетом! Признайся, ты же шагу не можешь ступить, чтобы лишний миллиончик на косяк где-нибудь не выпестить! Вот и я нужна тебе, прежде всего, для осуществления твоих грандиозных планов, а потом уже – для всего прочего...

Клим был настолько шокирован ее словами, что не нашелся, что ей ответить. Глядя на его несколько растерянный вид, она все поняла по-своему.

– Что, правда глаза колет?

– Ага! Аж, в носу чешется!

– А ты, оказывается, шутник!

– Еще бы! То, что я – олигарх, это – тоже шутка. Я – обычный человек, который знает цену деньгам и умеет их зарабатывать. Именно этого мне простить и не могут!

– Я прощаю тебя, Клим Устюжанин!

– Если бы все были такие, как ты!
– Тебе – что, одной меня мало?
В досаде она повернулась к нему спиной.
Он подошел к ней сзади и обнял.
– Я люблю тебя, Ирэн!
– Чепуха! Ты любишь только свои деньги!
Она попыталась высвободиться из его объятий.
– Ты не веришь мне?
– Нет!
– Но – почему?
– Когда ты потратишь на меня, этак сто лимонов баксов, возможно, тогда я поверю, что не совсем тебе безразлична!
– Но зачем тебе – столько денег?
– А – тебе?
Клим на секунду задумался.
– У меня они есть и все! И этим я отличаюсь от других...
– И, как они считают, не в лучшую сторону!
– Те, у кого – карман дырявый, вряд ли считать умеют!
Ирэн хитро сощурилась.
– Да, не дырявый, а пустой. И, чтобы наполнить его, в конце концов, они заберут у тебя все деньги... Или сделают так, что эти деньги обесценятся!
– Ты думаешь, это когда-нибудь произойдет?
– Думаю, что – да!
Он презрительно фыркнул.
– Для этого им придется очень сильно постараться!
– Да, ерунда, Клим! Все произойдет, как в сказке, по щучьему велению!
– Ты любишь сказки?
– Нет, я люблю реальную жизнь! Но то, что происходит кругом, на нее так мало походит...
– Ирэн, перестань говорить, как оппозиционер на митинге!
– У меня были тяжелое детство и юность...
Взгляды их встретились.
На миг жалость кольнула его в сердце.
– Ирэн! Каждый день я узнаю тебя с новой стороны. Ты – удивительная женщина!
«Тогда, почему же ты не предложишь мне выйти за тебя замуж?» – подумала она, ощутив прикосновение его пальцев к своим бедрам...

15

Светский раут проходил в каком-то огромном загородном особняке. Поначалу Ирэн, даже не спросила, кому принадлежит особняк. А, когда они вышли из лимузина, заикнулась, было, об этом...

– Пойдем! – коротко бросил он на ходу. – Скоро сама все узнаешь...

Она взяла его под руку.

Первый, кто с ними поздоровался, едва они очутились внутри строения, как выяснилось, принадлежавшего одному из влиятельных чиновников городской мэрии, отмечавшему назначение на новую более высокую должность, был дородный и суровый с виду мужчина. Но, как только он улыбнулся и протянул для пожатия Климу руку, вся его холодность куда-то тотчас исчезла.

– Сидорищев Прохор Самсонович! – минуту спустя, представился он Ирэн.

Услышав его фамилию, она, даже не желая того, улыбнулась в ответ.

– Между прочим, депутат Государственной думы! – добавил он с важным видом.

– Очень приятно! – сказала Ирэн.

– А вас, как величать, если – не секрет?... Клим, да, представишь ли ты, наконец, мне твою очаровательную спутницу?

– Я – Ирэн! Ирэн Уварова!

– И имя, и фамилия у вас – замечательные! – признался Прохор Самсонович. – Но моя фамилия... Почему-то у многих вызывает улыбку! Вы не скажете, почему? Я уже жалею, что стал депутатом, а не пошел в цирк клоуном... Хотя, признаюсь по секрету...

И он склонился к уху Ирэн.

– И в той, и в другой профессии есть очень много сходства! Ха-ха!..

– Вот потому ты и стал депутатом! – шуточно произнес Клим, который все слышал. – А по поводу собственной фамилии ты зря комплексуешь! Так, ведь, Ирэн?

Она согласно кивнула.

– У нас в школе одна девочка училась... Так у нее фамилия была Ягодицина. Ей пого- нялово дали... В общем ее дразнили тем, на чем все обычно сидят. Однажды ей это надоело, и втайне ото всех она записалась на секцию каратэ. Через пару лет получила черный пояс. А потом, когда она врезала одному мальчишке, который больше всех допекал ее этим неприятным прозвищем, все сразу стали называть ее только по имени. Викторией!

– Поучительный пример, но это – не для меня! – нехотя признался Сидорищев. – К тому же, я – не обидчивый. Хотя, признаюсь честно, фамилию свою не раз хотел поменять на другую...

– Почему же, не поменяли?

– Так, тогда и судьба может поменяться, и я перестану быть депутатом!.. А это – не только мое призвание, но и кусок хлеба с маслом...

– И красной икоркой – сверху! – съязвил Клим. – Многие не то, что фамилию, а Родину уже давно на бабло поменяли... То есть, променяли!

– Вот и я говорю, шкуры продажные!

И лицо Сидорищева снова приобрело угрюмый вид.

– Ну, зачем вы – так? – возразила Ирэн. – Можно ведь и за рубежом оставаться русским и любить свою землю!

– Эх, милая! – воскликнул Прохор Самсонович. – Что – толку от их любви или ненависти? Ведь они – там, а мы – здесь! Хотя и наша любовь больше походит на извращение. Нету в ней чего-то самого главного! А вот – чего именно, никак понять не могу...

– Так и не надо! – посоветовал Клим. – А то голову зря себе сломишь, шапку потом не на что надевать будет...

– Чепуха! На то место, где голова была и одену! Главное ведь создать видимость, что все – в порядке. И все в это поверят!

Они были уже в банкетном зале, полном народу, среди которого шныряли официанты с подносами, уставленными бокалами с шампанским и напитками покрепче. Фрукты, мороженое в вазочках, шоколадные конфеты... Все это обслуга ненавязчиво предлагала гостям, развозя на сервировочных этажерках на колесиках.

Отойдя чуть в сторону, так, чтобы Ирэн не могла их слышать, Клим и Сидорищев совсем недолго еще о чем-то говорили, а потом любезно расстались...

К Устюжанину неоднократно подходили разные люди. Они обменивались с ним и сопровождавшей его дамой приветствиями, а порой ничего не значащими фразами. По краям зала стояли столики, за которыми сидели мужчины во фраках и их спутницы в великолепных вечерних платьях. Заметив за одним из них Митяя, Клим махнул ему рукой. Рукавицын тотчас произвел ответный жест. Пара, не спеша, направилась к нему.

– Ну, наконец-то! Сколько я могу вас ждать! А то присесть за этот столик нашлось немало желающих... Так, я – всех их...

– Митяй! Это – Ирэн! Хотя, я подозреваю, что вы уже знакомы...

– Привет, Ирэн!

– Чао, Митяй!

– Конечно, знакомы! Машка нас и познакомила! А ты, как думал?

– Ну, что? За встречу? – предложил Митяй, когда Клим и Ирэн, чтобы соблюсти приличия, без лишней суеты заняли свои места.

– Ага!

И они подняли бокалы с коктейлем, в котором плавали вишня и лимонные дольки, а из бокалов вместе с соломинками торчал пластмассовый зонтик, по виду больше напоминавший ромашку.

– Вы, хоть, в курсе, как это называется?

И Митяй кивнул на содержимое бокала.

– И – как?

– Сейчас со смеху упадете!

– Да, говори, не тяни!

Митяй строил загадочную физиономию.

– Водка, ликер и сок, а все вместе – это... «Секс на пляже»!

Ирэн не сдержалась и прыснула в ладонь, а Клим растянул рот в улыбке.

– Вот сейчас долбанем еще пару бокалов, потом – в самолет, и – на пляж! – наверно, шутки ради, или, чтобы поддержать разговор сказал Клим.

– Ну, ладно! Вы тут веселитесь, а я отойду не надолго!

Ирэн поднялась из-за столика.

– Где у вас здесь – уборная? – спросила она у курсировавшего мимо с подносом в руках кельнера³.

– А – вон! Прямо и налево...

– Благодарю! – сказала Ирэн и, не спеша, направилась в указанном направлении.

– Ну, и что тебе ответил Сидорищев? – спросил Митяй, едва он и Клим остались за столиком одни. – Ведь, в конце концов, мы ради этого сюда то, откуда ноги растут, и притащили...

– Как я понял, он намекнул, что в губернии, которую он представляет, намечается перестановка кадров. На освободившиеся должности губернатор, конечно, своих людей поставит,

---

³ Кельнер – прислуга.

и тогда природные ресурсы плюс инфраструктура этого захолустья, в которую мы вложим с умом наши средства, будут нашими.

– Давай за это выпьем!

И Митяй, вынув соломинку, залпом осушил бокал.

– Я рад за тебя, Клим! Растешь не по дням! Это надо отметить!

– И я рад, Митяй! Вот только...

– Что ты сказал?

– Да, нет, ничего!

И Клим тотчас последовал примеру Митяя.

– Кстати! Насчет пляжа, ты, видимо, пошутил? – на всякий случай спросил Митяй.

– Нисколько! Ты ведь знаешь, я не люблю шуток... Особенно в присутствии дамы...

– Хм... И куда мы рванем, если не секрет?

– Да, какие секреты! Куда Ирэн скажет, туда и махнем!

Митяй сокрушенно покачал головой.

– Чего ж, ты раньше меня не предупредил, я бы свою телку с нами прихватил!

– Будет тебе слезы крокодила лить! Там, за кордоном, проститутку себе снимешь. Если б не Ирэн...

– Не повезло тебе, брат! Считай, в холостую съездишь...

– Шутишь?

– Нисколько! Чтобы другую страну узнать, надо с тамошней женщиной переспать...

– Ну, да? – усмехнулся Клим. – Так, может, я уже загодя эти страны узнал? Сколько у меня этих баб было-то! И мулаток, и темнокожих, и азиаток, и...

– Ты – человек мира, Клим!

– Пожалуй, ты – прав! Но, не забывай, сегодня, такие, как я, это – люди мира. А завтра...

Завтра это – люди войны! И знаешь, почему?

– Не трудно догадаться! Когда интересы подобных тебе начинают попирацца другими, за которыми тоже – власть и деньги, тогда...

– Хм... Философ! Ты – прав! Это, ведь, не простые люди войны начинают, и даже – не политики! А государственные элиты... Давай-ка, еще – по одной! Не слабо?

Не успела Ирэн сделать и нескольких шагов по сумрачному коридорчику, ведущему от дверей туалетных комнат в банкетный зал, как кто-то неожиданно преградил ей путь.

– Игнат?!

– А ты думала! – самодовольно усмехнулся тот.

– Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты! Здесь полно моих клиентов! Кстати, олигарх... Тот самый, с кем ты сюда заявила, один – из них! Он даже не подозревает, что девушка неземной красоты, которую я обещал ему в прошлый раз, это – ты!

– Врешь ты все, Саранский, и – не совестно?

Сутенер бешено округлил глаза.

– Кто бы про совесть говорил! Ты меня такого куша лишила! Хоть бы позвонила... Предупредила, мол, так и так! Тебе придется возместить мне причиненный ущерб. И еще заплатить неустойку!

– Черта с два тебе, Игнат! – не на шутку рассвирепела Ирэн. – Отвали от меня, пока – цел!

– И не подумаю! Выбирай! Или – твой олигарх... Ведь он теперь – твой, не так ли?..

Узнает, что ты оказывала эскорт услуги для клиентов моей фирмы или...

– Сколько? – побледнев, не выдержала Ирэн. – И поставим на этом точку! Ты понял? Если после этого ты хотя бы все упомянешь мое имя... Тебе – конец, Игнат!

Сутенер искривил рот в наглой ухмылке.

– Ой, ой, ой! Надо ж, как страшно! Я уже весь трясусь! Не пугай! Мы – пужаные!

– Хватит зря трепать я зыком! – оборвала его Ирэн. – Говори, сколько? Мне надо уже идти...

– Ничего! Подождет тебя твой толстосум...

Саранский в задумчивости почесал затылок.

– Ну, же? – в нетерпении топнула ногой Ирэн.

– Пол... Пол-лимона импортной капусты! И тогда...

– Ты с ума сошел, Игнат? Где я тебе столько возьму?

От негодования Ирэн даже вся затряслась, точно через нее прошел небольшой разряд молнии.

– Причем здесь – ты? Твой олигарх платить будет! Он тебя получил? Получил! Значит, заплатить должен. Ты, Ирэн, сама знаешь, что была лакомым куском для моих самых уважаемых клиентов. После тебя они ни на кого смотреть особенно не хотят.

– Другую себе найдешь!

– Это – вряд ли! В общем, я тебе все сказал, а ты сама решай, с кем, тебе – дальше по пути.

С денежным мешком или – со мной!

Ирэн брезгливо поморщилась.

– С тобой? Чего – это ради? Уж, лучше в огне заживо сгореть!

– Не испытывай судьбу, Ирэн! А то, ведь, и впрямь сгоришь...

– За себя бойся, Игнат!

И Ирэн маленькими шажками, ровно такими, какие ей позволял делать зауженный низ нового платья, поспешила к столику, где ее давно ждали Клим и Митяй.

– Вот – ублюдок! Мерзкая гадина!

16

Морская лагуна, до дна пронизанная солнечными лучами, звала окунуться в свои воды. Ирэн никак не ожидала, что прямо из банкетного зала корпоративной тусовки, где они проторчали пару часов, не меньше, они втроем отправятся в аэропорт. Правда, перед этим Климу пришлось вызвать «Такси» и позвонить личному водителю, который, собираясь к утру возвратиться в замок, вместо этого, по его распоряжению, благополучно отогнал лимузин с парковки возле собственного дома в гараж.

Всю ночь, пока летели в самолете, Устюжанин и его спутники спали, как убитые, до тех самых пор, пока не приземлились в аэропорту в Нью-Йорке.

– Ну, что? Не мешало бы подышать свежим воздухом! Еще несколько часов и мы – на месте... – направляясь к трапу самолета, как бы, между прочим, заметил Клим.

Здесь было все другое. Небо и земля. Хотя земли было очень мало. Острова Кариб, казалось, терялись в море, похожем на зеленоватый ковер с солнечными отблесками.

Ирэн почти с восхищением смотрела на Клима. Но к этому, ее упоению от сознания близости возлюбленного и его желания превратить ее жизнь в нечто прекрасное и неземное, как бы она ни старалась отогнать прочь дурные мысли, примешивалась грусть.

– Никогда не думала, что можно так быстро очутиться на другом конце планеты! Даже не верится, словно я попала в сказку...

Они сидели полуголыми на горячем песке, перед этим застелив его покрывалом. Шампанское, фрукты, пиво, точнее, пустые бутылки из-под него, поскольку большая часть этого напитка была использована по назначению, и основательно подтаявшее мороженое занимали половину покрывала.

– Может, искупнемся? – предложил Клим.

– Нет! Вы купайтесь, а я, пожалуй, схожу за пивом... Последняя бутылка осталась...

И, отвинтив пробку, Митяй с жадностью приник ртом к горлышку.

– Ну, вот! Теперь – ни одной!

– Только долго не задерживайся! Не дай бог, что случись, где нам потом тебя искать прикажешь?

– Да, все нормально будет, Клим! Я – скоро! Одна нога...

– Ловлю на слове!

Когда, наконец, Митяй исчез из поля зрения, Клим и Ирэн, взявшись за руки, побрели к воде.

– А ты не хочешь купить здесь дом? – спросила Ирэн, едва они вошли в воду.

– Хорошая идея, дорогая! Вот только...

– Что – «только»?

– Надо наладить связи с местной мэрией. А это – не так просто.

Ирэн с любопытством посмотрела на него. И опять в ее взгляде мелькнула грусть.

– Ты не рада, что я привез тебя сюда?

– Да, что ты такое говоришь, Клим? Конечно же, рада! Еще как, рада! Ты даже себе представить не можешь!

Они прижались друг к другу, когда над морской гладью стали торчать одни лишь их головы.

На пляже этой тихой заводи, каких здесь было великое множество, они были совершенно одни. Обхватив за бедра, он приподнял ее над собой, так, что грудь Ирэн оказалась напротив его лица...

– Может, не надо, Клим? – неуверенно спросила она.

– Чего ты боишься?

– Вдруг Митяй вернется?

– Это – вряд ли! До большого пляжа возле отеля, где пиво продают, километр – пехом.

И обратно – столько же...

Клим продел палец под нить ее стрингов.

– Ай, ой!..

Минут через двадцать они вышли на берег, чтобы обсохнуть на солнце и дожждаться, наконец, прихода Митяя. Но прошел час, потом другой, но тот, как видно, и не думал возвращаться.

– Почему он задерживается? – с легкой долей тревоги и недоумения спросила Ирэн.

– Ладно! Давай допьем шампанское, съедим фрукты, чтобы с собой это назад не нести, и пойдем к нему навстречу.

– А, вдруг с ним и впрямь что-то случилось? – не унималась Ирэн. – Зря мы оставили сотовые в отеле!

Примерно еще через час они поднимались на лифту в собственный номер. Клим отпер дверь.

– Побудь здесь без меня немного! – сказал Клим и направился к лестнице, которая вела на этаж выше.

К его удивлению и несказанной радости дверь в номер Митяя была приоткрыта.

– Клим, это – ты? – услышал он знакомый голос. – Проходи, гостем будешь! Только учти, что я – не один!

Когда Клим вошел, хозяин номера лежал в кровати с довольно миловидной девушкой, предусмотрительно укрытой простыней, из-под которой виднелась лишь ее голова, и курил.

– Познакомься, это – Дженнифер! Она – мексиканка!

Девушка ощерилась, показав крупные, напоминающие лошадиные, зубы.

– Ну, хорошо, хорошо, Митяй! Ты – жив и здоров, я убедился в этом... А теперь я, пожалуй, пойду.

– А то, может, с нами – по рюмке тэкилы?..

Спустившись в свой номер, Клим застал Ирэн моющейся в душе.

– Что – с Митяем? – спросила она, подставив лицо теплым струям.

– Да, все в порядке! Он – у себя в номере. Спит.

– Так рано?

Клим, не отрываясь смотрел на Ирэн, наблюдая, как капли стекали по ее прекрасному телу.

– Ты – не против, если я к тебе присоединюсь...

– Нет! Конечно, если и ты не будешь против...

– Что ты имеешь в виду?

– Не против того, что я продам квартиру, машину... Они, ведь, мои?

– Твои! – неохотно кивнул Клим. – Но к чему это все продавать?

Не снимая спортивной майки и шорт, он встал под падающие теплые струи и взял ее за плечи.

– Мне нужны деньги, Клим! – сказала Ирэн и, не выдержав, отвела взгляд.

Устюжанин стал стягивать с себя незатейливый и насквозь промокший прикид.

– Где же ты будешь жить?

– Я сниму квартиру... Или лучше – у Машки! Как раньше...

Когда они покинули душевую и очутились в просторной зале гостиничного номера, то увидели в окно, как из гладкой морской поверхности, растянувшейся до самого горизонта, предвещая теплые южные сумерки, выглядывала половина багрового солнечного диска...

– Может, спустимся в бар? – спросил вдруг Клим.

– Нет! Ты иди, а я лучше лягу спать...

– Как знаешь!

Клим вернулся в свой номер лишь под утро. По его нетвердой походке Ирэн поняла, что он сильно пьян. Она сделала вид, что крепко спит.

17

На утро Клим проснулся от того, что в дверь его номера тарабанили так, словно случился всемирный потоп, не меньше... Ирэн проснулась тоже.

– Что – за безобразие! – выругался Клим и, спотыкаясь спросонья, поспешил к двери.

– Клим, открой! Это я – Митяй!

– Совсем очумел! – возмутился Устюжанин, едва Митяй переступил порог. – Что случилось-то? Что?..

– У тебя есть выпить? – дико вращая глазами, первым делом спросил тот.

– Может, тебе и закусить в придачу?!

Клим провел Митяя в столовую комнату элитного номера. Схватив со стола бутылку коньяку, которую Клим прихватил с собой по дороге из бара, тот наполнил бокал до краев и опорожнил залпом.

– Представляешь, эта сука, Дженнифер меня обокрала! Портмоне с наличкой и кредитками, паспорт и даже сотовый – все под чистую выскребла! Чтоб – ей! Шалаве!..

– А – это, точно, она? Ты вчера был так хорош, что мог все это, где угодно оставить или по нечаянности выронить!

– Да, ты!.. Издеваешься надо мной?! Я ведь достоверно помню, как вынимал из портмоне пятисотдолларовую купюру, чтобы с этой ушлой путаной рассчитаться. Деньги-то за ночь она вперед с меня попросила! Понял? Что теперь делать, ума не приложу!

– Да, нет его у тебя, ума-то, Митяй, и никогда не было! Ты только теперь об этом узнал?!

– Спасибо тебе, друг! Утешил!

– Да, на здоровье! Мне добра этого не жалко. Только попроси, всегда – пожалуйста!

– Что произошло? – сдерживая зевок, поинтересовалась Ирэн, неожиданно появившись в столовой.

Клим и Митяй, словно сговорившись, посмотрели друг на друга. Они не знали, стоило во всю эту дурно пахнущую историю посвящать Ирэн.

– Ничего особенно! – после некоторого раздумья, наконец, сказал Клим. – У Митяя всю наличность украли, паспорт и, что – самое обидное, сотовый телефон. А в нем, как я понимаю, контактные номера всех наших компаньонов. При желании разговоры с ними, не говоря уже об эсэмэс, теперь можно будет прослушивать... Если, конечно, данные с твоего мобильного тем или иным способом к нашим недругам вдруг попадут...

– Кто ж, это им позволит в частную жизнь вторгаться без специального на то разрешения! – запальчиво возразил Митяй.

– Ты – что, позавчера родился, а вчера крестился? При существующих в наше время возможностях за бабки они, тебя или кого хошь, даже на Марс доставят! Только намекни!.. А вот обратно вернуть получится или нет, этого я точно сказать не могу!

Догадка мелькнула в глазах Уваровой.

– Это не мое, конечно, дело, но как звали ту девушку, которая...?

Ирэн по понятным причинам слегка замялась.

– Дженифер! Ее звали Дженифер! – махнув на все рукой, выпалил Митяй. – Но, скорее всего, это имя вымышленное. Так что, если заявить в местную полицию...

– В полицию?

Клим с трудом сдержал смех.

– Да, она, наверняка, здесь вся куплена! Станет она искать тех, кто ей регулярно бабки отстегивает за свой преступный промысел!

– А я думаю, обратиться в полицию есть смысл! – снова вклинилась в разговор Ирэн. – Дженифер, вполне вероятно, и не имя вовсе, а...

– У такой особи не может быть имени! Только – кличка!

Праведный гнев так и разбирал Митяя.

– Клички – это у собак, а у мошенников – погонялово!.. Ведь не одного тебя она здесь обчистила...

Ирэн многозначительно посмотрела на Клима.

– И потом... Обратиться в полицию – это еще один повод поближе познакомиться с тутошними чиновниками и теми порядками, а, также, неписанными правилами, которых они придерживаются!

Вспомнив разговор с Ирэн на пляже насчет особняка в курортной зоне, идея о покупке которого им обоим тогда очень понравилась, Клим внезапно нахмурился. Как будто бы то, что так некстати произошло с Митяем явилось для него неким знаком свыше. Предостережением о том, что не все – золото, что блестит. А, значит, вкладывать деньги в недвижимость на Карабах, было бы очень опрометчиво с его стороны.

– Ну, уж нет! Ни в какую полицию мы обращаться не будем! А то, мне кажется, мы вообще отсюда очень долго никуда не уедем. Мы поступим иначе. В конце концов, наше посольство здесь тоже имеется. Расскажем им все, как есть, а они помогут Митяю с билетом в Москву. Но это – не сегодня. Я совсем не выспался...

И выйдя из столовой комнаты, он, не говоря ни слова, отправился в спальню. Клим был явно не доволен тем, как складывалась их поездка, и тем, что Ирэн была с ним не до конца откровенна. Она явно что-то утаивала от него. Или просто набивала себе цену. Чего она так упорно добивалась от него? Чтобы, в конце концов, на одной из страниц его паспорта красовался казенный штамп, раз и навсегда изменивший его статус закоренелого холостяка на прямо противоположный. Но Клим так мало знал об Ирэн. И, к тому же, в обозримом будущем он по-прежнему безумно жаждал только одного – работы! Ирэн же легко могла спутать все его планы. А этого он не мог никому позволить даже ценой собственной жизни...

18

Уварова проспала почти все утро. Встав, она заварила себе кофе и стала пить его мелкими глотками, чтобы не обжечься. Эту ночь она провела одна. Сразу после приземления самолета в аэропорту Москвы Клим вместе с Митяем, сославшись на недомогание под известным названием синдром похмелья, сели в «Такси», наказав водителю лимузина доставить Ирэн к ее дому.

– Ты приедешь позже? – зачем-то спросила Ирэн прежде, чем захлопнуть дверку лимузина.

– Сомневаюсь! – коротко ответил Устюжанин, даже не посмотрев в ее сторону.

– Как знаешь!

Ирэн была крайне недовольно таким поведением Клима. За все время, пока они летели в самолете, он не перемолвился с ней ни словом. А теперь даже не захотел по-человечески попрощаться. Ну, и черт с ним! Продам квартиру и «Ягуар», а там видно будет.

Но не успела она переступить порог дома, как Клим позвонил ей.

– Нормально доехала?

– Тебе-то – что?

– Мне? Мне – ничего! Я завтра улетаю по делам. На неделю.

– Что? Опять к очередной шлюшке сноуборд расчехлил? Соскучился по свободной жизни? Каждую ночь проводить с одной и той же бабой – скучно? Ты к этому не привык!..

– Ты – что, никак не можешь без того...

И Клим в сердцах пробурчал что-то невразумительное.

– ...чтобы я оправдывался перед тобой?!

– Могу!.. Но... Не хочу!..

Ничего другого Клим услышать и не ожидал.

– Ирэн, у меня – бизнес под угрозой! Я не сделаю того, что должен, если завтра не улечу!..

Молодая женщина ощутила, как непрошенная слеза медленно покатила по ее щеке.

Наверно, почувствовав, что чересчур категоричен и даже резок, Устюжанин тотчас смягчился.

– Ты ведь будешь по мне скучать?

– Ну, так, еще бы! Куда ж мне деваться? Остается только сидеть у окошка и тебя ждать!

– Сидеть не надо!

– Можно стоя? Или лежа...

– Ты говорила, что тебе деньги нужны... Но ты не сказала, сколько!..

Ирэн так расстроилась, что в тот миг ей было совершенно наплевать на все! Тем более, на деньги!

– Сколько? Сто, двести тысяч?! Миллион долларов?..

Но Ирэн почему-то упорно молчала.

Клим снова что-то пробубнил себе под нос, но что именно, она не могла понять.

– Слышишь меня, говорю?

– Что?

– Дойди до ближайшего банкомата и проверь баланс твоей карты...

И Клим прервал связь.

Ирэн глянула на часы. Было всего лишь половина седьмого вечера. Захлопнув дверь, она, не торопясь, сошла вниз по лестнице. Примерно через двадцать минут Ирэн стояла напротив банкомата в ближайшем супермаркете. Она сунула в него карту. Вскоре белый дразнящий язычок, показавшись из банкомата, был у нее в руках. Глянув в него, Ирэн сперва глазам своим не поверила. В нем значилась сумма с несколькими нолями!.. Именно та... Вернее, даже

больше той, которую требовал от нее Игнат! Пятьсот десять тысяч долларов!.. Но зачем еще десять тысяч?

Только позднее Ирэн узнала, что снять такую сумму очень непросто. И десяток штук зеленых Клим отстегнул ей на банковские проценты...

Сунув карту в дамскую сумочку, она так же, не спеша, вышла из супермаркета. До нее лишь теперь, наконец-то, стало доходить, что, собственно, произошло!.. Ирэн вдруг сделалось как-то не по себе. И даже немного страшно. У ней в сумочке лежала электронная карта с таким баблом, что при мысли об этом у ней заломило в висках!.. Главное, в обморок не упасть! Оглянувшись по сторонам, и, убедившись, что ее персону никого особенно не интересует, она только после этого, сдерживая предательскую дрожь в коленях, направилась к «Ягуару». Неужели, и вправду он любит меня? Или для него пол лимона «зелени» – не деньги?! Ирэн неожиданно почувствовала, что настолько возбуждена, что в течение ближайшего часа или двух ей трудно будет оставаться одной. Ей нужен был кто-то, чтобы выплеснуть на него или же нее переполнявшие молодую женщину эмоции. Машка! Да, она сейчас поедет к Машке, а по дороге... По дороге возьмет бутылку коньяку! Ирэн не понимала, радоваться ей или огорчаться после того, что произошло? Но не из-за денег, которые ей все равно придется отдать Игнату!.. Ирэн мучало совсем другое!.. Что, если, все-таки, Клим по-настоящему любит ее?.. Как женщину, как личность? И, в первую очередь, конечно же, его привлекает ее душа, а не тело!

Ирэн долго тарабанила в Машкину дверь, но ей почему-то так никто и не открыл...

Покончив с кофе, Ирэн убрала со стола в холодильник почти наполовину выпитую бутылку коньяку, один вид которой ее ужасно раздражал. Что – теперь? Ах, да! Игнат. Этот чертов Игнат! Как же он ей опостылел...

Ирэн решила, что не станет звонить к Игнату теперь же, а завтра с утра отправиться напрямик в его треклятое агентство по возвращению смазливых представительниц слабого пола за деньги. Иногда за большие деньги. Чтобы не привлекать к себе внимания, она решила, что припаркует «Ягуар» примерно за квартал от его апартаментов.

Когда Ирэн уже подходила к трехэтажному зданию со стенами, покрытыми ненавистным ей колером, то с удивлением заметила, как ее обогнал лимузин. Он был, один в один похож на тот, в котором ездил Клим. Ирэн замедлила шаг. Как хорошо, что в двух шагах от нее оказалась телефонная будка. Зайдя в нее, она сняла трубку и сделала вид, что набирает номер.

Сквозь стекло Ирэн увидела, как из лимузина вышел Клим. А, как же – его дутая командировка? При виде него охранник кинул в урну дымившуюся сигарету. Появление Клима произвело на офисного секьюрити такое впечатление, что, кажется, он готов был вытянуться по стойке смирно. Ничего себе, дела! Открыв дверь олигарху, качок в тщательно отутюженном костюме черного цвета и при галстук последовал за ним. Это было очень кстати! Теперь она может войти в святая святых гадского сутенерства незаметно и вне зависимости от того, примет ее Игнат или нет. Доложить-то ему об ее визите будет некому! Хорошо, если так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.